

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)**

Выпускная квалификационная работа на тему:

***КОЛЛЕКЦИИ АВТОГРАФОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА***

по направлению подготовки 030600 *История*
образовательная программа бакалавриата *История*
профиль: *История западноевропейской и русской культуры*

Выполнила:

студентка 4 курса
очно-го отделения

Рукавишникова Алина Евгеньевна

Научный руководитель

к.и.н., доцент

Цыпкин Денис Олегович

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	с. 3-6
Глава 1. Историография и методология	
1.1. Почерк, письмо и личная подпись. Историография.....	с. 7-15
1.2. Методология. Поведенческий подход.....	с. 15-17
1.3. Серебряный век как смена интеллектуальных парадигм на примере интереса к письму.....	с. 17-19
1.4. Интерес к автографу в пространстве русской культуры и науки.....	с. 20-26
Глава 2. Источники. Собrania автографов и альбомы-коллекции.	
2.1. Типология фондов и степень их изученности.....	с. 27-31
2.2. Социокультурная типология собирателей автографов и коллекции...с.	31-35
2.3. Графологическое собрание конца XIX - начала XX в. на примере коллекции К.К. Владимирова.....	с. 36-40
Глава 3. Феномен интереса к автографу в русской культуре Серебряного века	
Общие замечания.....	с. 41-42
3.1. Графология и идея «нематериального следа» в контексте русской культуры конца XIX – начала XX в.....	с. 42-53
3.2. Стилизация индивидуального письма: «игра» с письмом.....	с. 53-57
3.3. Эстетизация письма на примере объединения «Мир искусства».....	с. 57-59
Заключение.....	с. 60-61
Источники и литература.....	с. 62-69

ВВЕДЕНИЕ

Серебряный век — уникальный, с точки зрения развития культуры, науки, религиозной и философской мысли, период российской истории, условно датируемый концом XIX — началом XX в. Появление и распространение новых научных теорий (например, квантовая теория и теория относительности А. Эйнштейна, теория психоанализа З. Фрейда), безусловно, изменивших мировоззрение людей начала XX века, бурное развитие литературы (новые направления — символизм, акмеизм, футуризм) и изобразительного искусства (модернизм и авангард), стали и причиной, и следствием нового мировосприятия. Усиление религиозно-мистических и философских исканий усилило интерес не только к материальному в человеке, но и к нематериальному, к духовной составляющей, к личности как таковой.

Одним из проявлений интереса к личности становится новое понимание письма, осознание письменной индивидуальности. Таким образом, почерк и личная подпись человека наделяются особым смыслом, что делает их интересным объектом для собирания и исследования. Именно на рубеже XIX – XX вв. создаются многочисленные коллекции (собрания) автографов, являющиеся объектом данного исследования. Это явление мы связываем с понятиями модного поведения и моды в широком смысле, а также со сменой интеллектуальных парадигм, произошедшей в эпоху русского Серебряного века. Эти понятия являются основополагающими для методологии исследования.

Авторы приведенных в исследовании коллекций — люди различной профессиональной деятельности и статуса, однако всех их можно отнести к русской интеллигенции Серебряного века. Несмотря на то, что годы их собирания приходятся на один и тот же интересующий нас временной отрезок, характер собраний различен, также как и цель формирования коллекции. Коллекции являются частями личных фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и составляют источниковую базу данной работы.

Уникальность данного исследования состоит в том, что на данный момент

не существует ни одной работы, посвященной феномену собраний автографов, тогда как данные коллекции являются уникальным источником и для культуры повседневности в целом, и для исторического почерковедения. Существует множество исследований, посвященных российскому коллекционированию, однако большинство из них посвящены художественным и музейным собраниям. Анализ такого уникального явления Серебряного века, как собрания автографов, необходим как для целостного восприятия особенностей культуры обозначенного периода, так и для возможности при расширении временных рамок исследования конструирования более глобальных выводов. Связывая коллекции автографов и само письмо с понятием моды, мы имеем возможность наблюдать за сменой типов модного поведения и, как следствие, типов человека.

Первая глава освещает теоретическую базу работы. Она разбита на четыре параграфа. В первом параграфе предложена краткая историография изучения письма и почерка, которая включает судебно-почерковедческие исследования, палеографию и историческое почерковедение. Кроме того, рассмотрен вопрос об изучении в России графологии, связывающей почерк с индивидуальными чертами характера. Определены ключевые понятия, без которых невозможно рассматривать феномен собраний автографов. Второй и третий параграфы посвящены методологическим основам работы, которые базируются на поведенческом подходе (рассмотрение письма и коллекций автографов как *модного поведения* или *моды*) и на теории смены научно-интеллектуальных парадигм, произошедшей в эпоху русского Серебряного века. Феномен коллекций образцов письма (автографов) мы выделяем как определенную моду, часть модного поведения, характерного для рассматриваемой нами эпохи. В то же время, интерес к нематериальному в человеке, отношение к письму, как к следу, дает основание сделать вывод о глубокой смене интеллектуальных и мировоззренческих ориентиров на рубеже веков. Графологию, как одно из ключевых явлений, важных для понимания рассматриваемого нами периода и

феномена, однако, можно отнести и к проявлению модного поведения (некий стиль, принятый в оккультном сообществе и связанные с ним увлечения, одним из которых является собирание образцов почерка) и к влиянию смены парадигмы (графология как следствие нового стиля научного мышления). Четвертый параграф обращается к вопросу об интересе к автографу в пространстве русской культуры и науки. Он касается феномена частного коллекционирования, его эволюции и степени изученности, применительно к данной теме, а также вопроса истории литературного альбома как социокультурного феномена и, в нашем случае, одной из разновидностей коллекций.

Вторая глава посвящена рассмотрению коллекций автографов из собрания Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. В первом параграфе мы предлагаем типологию собраний по двум направлениям: по форме коллекции и по деятельности фондообразователя. По форме мы выделяем собрания автографов и альбомы-коллекции. Связь интересов фондообразователя и его собрания позволяет выделить коллекции литературоведов, коллекции непосредственно собирателей, которых отличает стремление создать наиболее разнообразную подборку автографов, а также графологическое собрание, создатель которого связан с наукой о связи письма и характера. Всего нами было рассмотрено 5 собраний из личных фондов ОР РНБ (Ф. 124. *Ваксель П.Л.*, *Юргенсон Э.П.*, Ф. 150. *Владимиров К.К.*, Ф. 290. *Заволокин П.Я.*, Ф. 474. *Медведев П.Н.*, Ф. 341. *Картавов П.А.*) и альбом литературного общества «Пятницы» из фонда К.К. Случевского (Ф. 703. Ед. 2).

Во втором параграфе собрания литературоведов (П.Н. Медведев, П.Я. Заволокин) и коллекционеров (Собрание П.Л. Вакселя и Э.П. Юргенсона, коллекция П.А. Картавова). В отдельный параграф мы выделяем коллекцию К.К. Владимирова, уникальность которой заключается в том, что это единственное обнаруженное нами собрание графолога в Отделе рукописей. От предыдущих собраний его отличает то, что основной мотивацией собирания в данном случае

является именно письмо с его разновидностями и особенностями, а не та или иная персоналия и принадлежащая ее руке запись.

Третья глава освещает ряд аспектов интереса к автографу и письму в культуре и обществе русского Серебряного века, среди которых мы выделяем отношение к письму, как к «нематериальному следу» и связь с распространением графологии, стилизацию в индивидуальном письме и эстетизацию печатного шрифта, в основе которого лежит каллиграфия. В соответствии с приведенными аспектами глава поделена на три параграфа. Нами рассмотрен ряд журналов эпохи Серебряного века, которые можно отнести к разряду оккультных и продемонстрирован интерес к письму в их текстах, а также в статьях не оккультных изданий. На примере А.М. Ремизова и русской футуристической книги показано изменившееся отношение к индивидуальному письму и то значение, которое приобретает почерк и его стилизация. Завершает главу обзор явления эстетизации письма в «Мире искусства» - одноименном журнале и шрифтовой графике художников объединения.

ГЛАВА 1.

Историография и методология

1.1. Почерк, письмо и личная подпись. Историография.

Коллекции автографов являются одним из интереснейших явлений рубежа XIX-XX в., феноменом, который необходимо рассматривать в контексте культуры Серебряного века. Автографы в данном случае представлены и образцами письма, и личными подписями (в том числе в составе фотографий-визиток), и дарственными надписями. Центральное место в этих коллекциях занимает индивидуальное *письмо, почерк* исполнителя рукописи, его *автограф-подпись*. Необходимо дать определение ключевым понятиям, используемым в данной работе. Криминалистические определения почерка, предложенные исследователями-почерковедами, являются наиболее разработанными. Судебно-почерковедческая экспертиза определяет почерк следующим образом: *«фиксирующаяся в рукописи, характерная для каждого пишущего и основанная на его письменно-двигательном навыке, система движений и иных приемов, с помощью которых выполняется рукопись»*¹. Несколько более расширенное и сложное определение дает словарь основных терминов судебно-почерковедческой экспертизы - *«основанная на функционально-динамическом комплексе письменно-двигательных навыков и отображаемая в рукописи итоговая программа их выполнения, содержащая субъективный зрительно-двигательный образ выполняемой рукописи и специально приспособленную для его реализации систему движений»*². В упрощенном варианте понятие почерка представляет индивидуальную систему письменно-двигательных навыков. Письмо же является *«собирательным термином, под которым может пониматься и конкретный процесс письма, и письменная деятельность человека в целом, и почерк»*³. Понятия и почерка, и

1 Судебно-почерковедческая экспертиза. М., 1971. С. 14.

2 Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз: Справочное пособие. М., 2008. С. 16.

3 Там же. С. 14.

письма связывает в своем определении С.А. Рейсер, согласно которому *«Почерк — это индивидуальные особенности письма отдельного человека»*⁴. Кроме того, Рейсер указывает на влияние прописи на формирование почерка представителей разных эпох. *«Прописи, так сказать, - идеальная форма почерка данной эпохи. Можно сказать, что мера нарушения (отхода) индивидуального письма от принятой прописи и есть почерк»*⁵. Таким образом, на определение понятия почерка влияют также изменения в массовой письменной практике, с результатами которой почерковедение имеет дело.⁶ Несколько иное определение почерка дает графология, используемая для решения криминалистических задач еще до появления современной судебно-почерковедческой экспертизы. Графологи связывали почерк не только с системой навыков, но и с особенностями характера и личности исполнителя - *«...если человек пишет, то в каждом очертании, закруглении, штрихе буквы проявляется его индивидуальность, его характер...»*⁷. В том же духе определяют графологи письмо - *«письмо есть проекция нашего сознания в форме определенного рода фиксированных движений»*⁸.

Отдельно следует остановиться на таком явлении, как личная подпись. В системе индивидуального письма подпись занимает особое место. В поведенческом подходе она имеет важнейшее значение, поскольку наделена особой репрезентативной функцией. Согласно судебно-почерковедческому определению, подпись представляет собой *«вид рукописи, отражающий фамилию (имя, отчество) в виде букв или (и) условных письменных знаков и имеющий удостоверительное назначение»*⁹. С.А. Рейсером подпись определяется как *«типичная и индивидуальная примета почерка; <...> своего*

4 Рейсер С. А. Русская палеография нового времени : неография. М., 1982. С. 67.

5 Там же. С. 70.

6 Цыпкин Д. О. Понятие почерка в изучении русского исторического письма. К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей//Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. С. 845.

7 Моргенштерн И. Ф. Психо-графология, или Наука об определении внутреннего мира человека по его почерку. СПб., 1903. С. 3.

8 Зуев-Инсаров Д. М. Почерк и личность. Киев, 1992. С. 12.

9 Жижина М. В. Судебно-почерковедческая экспертиза документов. М., 2006. С. 62.

рода штамп, графическая идиома, печать ее обладателя»¹⁰.

Таким образом, мы установили, что индивидуальное письмо традиционно рассматривается как система движений, основанная на письменно-двигательных навыках исполнителя рукописи ¹¹. Такой подход берет начало в криминалистических исследованиях почерка, судебном почерковедении. Базой для судебного почерковедения являются учение И.П. Павлова об условно-рефлекторной природе навыковых действий, теория Н.А. Бернштейна о кольцевом управлении рефлекторными действиями и построении движений, учение П.К. Анохина о функционально-системном характере поведенческого акта. В своем научном развитии криминалистическое почерковедение опирается на такие области знаний, как физиология высшей нервной деятельности и анатомия двигательного аппарата, биомеханика и психологическая организация письменно-двигательного навыка. С позиции почерковедения, почерк и письменная речь составляют единое целое, формируются в процессе обучения письму, психофизиологические основы которого неразделимы. Главная прикладная цель почерковедения — установление автора (исполнителя) той или иной рукописи. Первые исследования непосредственно в области психофизиологии письма принадлежат Н.А. Бернштейну и А.Р. Лурии. Развитие почерковедения на этой основе осуществлено в работах С.М. Потапова, Л.А. Винберга, В.Ф. Орловой, А.И. Манцетовой, Э.Б. Мельникова, Г.Д. Маркова. Естественнонаучный аспект рассмотрения письма в данном подходе подчеркивают сами исследователи. Принципиальным для экспертного исследования почерка здесь является то, что исполнитель почерковых движений решает встающие перед ним двигательные задачи. Следует также отметить, что судебное почерковедение рассматривает способность почерка отражать психофизиологические характеристики личности - его типологичность, избирательную изменчивость почерка, а также изменчивость почерка во

10 Рейсер С. А. Русская палеография нового времени : неография. М., 1982. С. 61.

11 Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз. М., 2008. С. 15.

времени. Под типологичностью почерка понимается его зависимость от особенностей личности, избирательная изменчивость почерка — это его способность различным образом изменяться под воздействием разных сторонних факторов, а изменчивость почерка во времени — это его способность формироваться, развиваться, стабильно функционировать и деградировать в различные временные периоды жизни человека. Именно эти характеристики используются в почерковедческой экспертизе.

Психофизиологический подход к рассмотрению проблемы почерка формируется в СССР еще в 40-е гг (работы Н.А. Бернштейна, связь почерка с движением). Зависимости почерковых характеристик от психофизиологических свойств пишущего лица в судебном почерковедении экспериментально исследовались с помощью физиологических методов и методов, использующихся в биомеханике. Также широко применялся метод тестирования. Тестирование в данном случае — это выполнение стандартизованного задания, по результатам которого судят о психофизиологических и личностных характеристиках, а также о знаниях, умениях, навыках испытуемого. Наиболее современный подход в данной области изложен в работах «Судебно-почерковедческая диагностика» В.Ф. Орловой (2006) и «Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз» И.И. Рубцовой, Л.А. Сыроевой, А.П. Коршикова, Е.И. Ермоловой, А.И. Безруковой (2008).

Наряду с судебным почерковедением, вопросами, связанными с почерком и письмом занимается палеография, а также «неография» - палеография нового времени. Палеография ставит своей целью изучение истории письма и его графических форм. Следует отметить работы В.Н. Щепкина, Л.В. Черепнина, А.Т. Николаевой, И.В. Лёвочкина. Исследователями в данной области установлена схема развития древнерусского письма «устав-полуустав-скоропись», составлены курсы по русской палеографии. О письме более позднего периода исследований намного меньше. Здесь следует

отметить работу С.А.Рейсера «Русская палеография нового времени: неография». С.А.Рейсер является первым, кто предложил всестороннее рассмотрение письма XIX - начала XX вв. Внимание автора сосредоточено не только на графике письма, но и на его материалах, орудиях, а также способах записи. Неоднократно акцентируется внимание на уникальности каждого отдельного почерка, а также прослеживается связь почерка со шрифтом (в частности, приводится пример существования изысканных шрифтов в начале XX века, скорее напоминающих скоропись). Интересным является замечание о связи почерка и социокультурной среды его обладателя, зависимости объема «украшательства» от эпохи. С.А. Рейсер отмечает, что «социологическое массовое изучение почерков сулит очень плодотворные результаты и интересные выводы»¹². О личной подписи в работе упоминается отдельно. Автор отмечает неповторимость и сложность росчерков дореволюционных подписей, их значение.

Изучение письма не исчерпывается историческим направлением (палеография) и судебным почерковедением. Приводя выше определения почерка, мы упомянули графологию и то значение, которое придавали графологи влиянию личностных качеств и характера на письмо, иначе говоря, графология связывает особенности письма с особенностями личности и ее характера. Это направление набирает популярность во второй половине XIX века в Западной Европе, хотя его зарождение связано с намного более ранними временами (когда графологической школы как таковой не существовало и сама графология ограничивалась отдельными наблюдениями). Само название - «графология» - связывают с именем аббата Мишона, который считается основателем первой графологической школы (1872). На рубеже XIX-XX вв центром графологии становится Германия, а научное обоснование предмета связано с именем Л. Клягеса. В России пик популярности графологии

12 Рейсер С. А. Русская палеография нового времени : неография. М., 1982. С.71.

приходится на начало XX века. Интерес к этой области знания появляется наряду с увлечением оккультными науками, спиритизмом, эзотерикой. Пропагандистом и популяризатором этой науки в России, относящихся тогда главным образом к разряду оккультных, выступил И.Ф. Моргенштерн, долгие годы обучавшийся графологии на Западе (в Германии и Франции) в том числе у Ж. Мишона, А. Варинара, и Г. Буссе. Следует отметить, что И.Ф. Моргенштерн, используя имеющиеся в то время данные об анатомии и физиологии мозга, как и Клягес, попытался подвести научную базу под графологическую теорию. Исследования российских графологов позволили сформировать массив графологических признаков, основанных на кириллице. Однако, графология не рассматривалась как наука, о чем свидетельствует ее определение в энциклопедическом словаре того времени (1907): *«Графология — искусство узнавать характер, темперамент, настроение человека по его почерку»*¹³. В 1903 г. в Петербурге был опубликован его труд под названием «Психографология, или Наука об определении внутреннего мира человека по почерку», включавший в себя более 2000 автографов разных выдающихся людей древности и его современности с их портретами. Осенью того же года Моргенштерн приступил к изданию в Петербурге «Журнала психо-графологии». Также к графологии и ее популяризации имели отношение такие деятели как В. Маяцкий, Ч. фон Чинский, А. Рошталь. После Октябрьской революции графология оставалась популярным направлением исследований. Разработки в данной области продолжил Д.М. Зуев-Инсаров, который опирался на экспериментальный метод, подводил под графологию научную базу. Установленная им взаимосвязь между графологическими признаками и характеристиками эмоционально-волевой сферы, а также сферы отношений человека с социальной средой, позволили получить Зуеву-Инсарову уникальное право на исследования в данной области при поддержке Государственной

13 Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890-1907 / Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

психоневрологической академии. Однако, в конце 30-х - начале 40-х гг графология была объявлена ненаучным и реакционным направлением. Исследования Д.М. Зуева-Инсарова связаны с определенной системой интерпретации особенностей личности. В работе «Почерк и личность» исследователь приводит интерпретации почерков известных писателей (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М. Горький и др.) и советских деятелей. Кроме того, автор приводит примеры связи личной подписи человека отдельных элементов подписи (росчерк, точка на конце, и др.) и его характера, например - *«Подпись, кончающаяся точкой, обозначает склонность к самоанализу»*¹⁴. Помимо взаимосвязи личностных характеристик и письма, Зуев-Инсаров устанавливает влияние патологических состояний (заболевания, психические расстройства) и возраста на почерк исполнителя рукописи.

Из современной литературы посвященной графологии и истории ее развития отметим учебно-методическое пособие С.Ю. Алесковского и Я.В. Комиссаровой «Основы графологии», в котором раскрываются основные положения психолого-почерковедческого исследования личности, а также приводится история становления науки как на Западе, так и в России, анализируются те или иные графологические школы. В частности, комментируя развитие графологии в дореволюционной России, авторы отмечают, что *«Изыскания ученых того времени (начала XX века — примеч.) намного опережали научные исследования в области практической психофизиологии, что привело к превращению графологии в простую технику толкования психических и психологических свойств пишущего по почерку, чрезвычайно субъективную по своей природе»*¹⁵. Кроме того, существует еще одно современное учебно-методическое пособие В.И. Кравченко (2006) и ряд популярных книг, которые условно можно отнести к разделу «парапсихология».

14 Зуев-Инсаров Д.М. Почерк и личность. Киев, 1992. С. 36.

15 Алесковский С.Ю., Комиссарова Я.В. Основы графологии: учебно-методическое пособие. М., 2006. С. 127.

Интересен вопрос о соотношении почерковедения и графологии. В.И. Орлова отмечает, что *«Несмотря на спекулятивный и псевдонаучный характер работ графологов, графологическая мысль интересна тем, что именно они впервые обратили внимание на то, что между типологическими и индивидуальными, физическими, в т.ч. антропологическими, физиологическими и психологическими свойствами личности, с одной стороны, и почерком — с другой, существуют определенные зависимости»*.¹⁶

Если исследования в области исследования почерка (почерковедение, палеография, графология) проводились неоднократно, то к специальному исследованию такого явления, как подпись обращались в меньшей степени. Сложность изучения предмета заключается в отсутствии единой теоретической и методологической базы для исследования русской подписи. Системный анализ структуры современной личной подписи проводился в 1990-е гг Л.А. Сысоевой, результатом которого стало выделение наиболее и наименее распространенных признаков.¹⁷ Выявлено, что всего около 10% авторов отражают свою фамилию в личной подписи, остальные 90 имеют либо краткие и простые по своей структуре подписи, либо они представляют собой нечитаемые конфигурации. Кроме того, автор указывает на то, что личную подпись необходимо рассматривать как структуру, связанную также с развитием и изменением личности. В.С. Бурдановой, Л.А. Сысоевой и Д.О. Цыпкиным была проведена работа по определению основных этапов развития русской подписи на основе материалов фондов Отдела рукописей РНБ.¹⁸ В итоге было выделено четыре этапа, которые тесно связаны с историческими изменениями в культурной и политической жизни страны.

Наряду с судебным почерковедением и палеографией в современной науке о почерке существует также историческое почерковедение. Задачей

16 Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. М., 2006. С. 24.

17 Сысоева Л.А. Современное состояние почерковедческого исследования подписи // Фотография. Изображение. Документ. СПб., 2013. №4. С. 10-14.

18 Бурданова В.С., Сысоева Л.А., Цыпкин Д.О. К вопросу об истории русской подписи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. СПб., 1999. № 1. С. 118-121.

исторического почерковедения является исследование индивидуального письма исторических документов.¹⁹ В результате своего развития историческое почерковедение формирует новое понимание почерка, в котором письмо рассматривается не только как система движений и навыков, но и как форма деятельности пишущего (исходя из представлений о структуре деятельности А.Н. Леонтьева). Ключевой категорией индивидуального письма является манера, при этом считается нормальной ситуация, когда у одного пишущего существует несколько манер. Таким образом, почерк - *«это привычный образ действия пишущего при выполнении рукописей, который находит свое материальное выражение в письме документа, подразумевая и привычный выбор той или иной манеры письма в соответствии с решаемой задачей»*²⁰.

Данные исследования письма, вне зависимости от того, с какой целью они были проведены, отмечают уникальность почерка и личной подписи как средства выражения индивидуальности.

1.2. Методология. Поведенческий подход.

При рассмотрении коллекций автографов конца XIX - начала XX века мы не ставим целью проанализировать образцы письма или личную подпись ни с почерковедческой точки зрения, ни с позиции исторической динамики письма. Однако, направление исследования, связанное с анализом письма как формы социального поведения (письменного поведения) активно развивается.²¹ Следует отметить, что рассмотренные в следующей главе собрания представляют интереснейший материал для исторического почерковедения, формирования истории русской подписи. Используя поведенческий подход (то есть, рассматривая письмо как форму *поведения*) применительно к данному

19 Цыпкин Д.О. Проблема разработки единой методологической системы идентификации пишущего в изучении древнерусских рукописно-книжных памятников // История и культура. СПб., 2013. Вып. №11. С. 233.

20 Цыпкин Д.О. Об изучении исторического письма на кафедре западноевропейской и русской культуры института истории СПбГУ // История и культура. СПб., 2016. №14. С. 229.

21 Цыпкин Д.О. Понятие почерка в изучении русского исторического письма. К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. С.836-882.

источнику (собрания автографов) возможно определение этапа появления *человека новой эпохи*, иными словами *современного человека*, определенного социокультурного типа, отличного от человека XIX века и предшествующих эпох.

Данная работа имеет целью показать, что история возникновения подобных коллекций отражает процесс осознания обществом автографа как формы саморепрезентации. Таким образом, аналогичный поведенческий подход так же применим к непосредственно формированию коллекций автографов, феномену их возникновения и анализу.

В основе методологии работы лежит представление о коллекциях автографов как о проявлении *модного поведения*. Коллекционирование образцов письма как и увлечение графологией можно смело назвать влиянием *моды* (в широком смысле) данного периода. Кроме того, непосредственно письмо может быть рассмотрено как определенная мода. С нашей точки зрения такой подход несет в себе большие перспективы.

Данный термин (модное поведение) был введен в оборот А.Б. Гофманом, социологом, специалистом в области социологии культуры и моды. Ключевой для нас является работа «*Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения*»²². Определение данного термина дает сам автор - «*это поведение, которое ориентировано на стандарты, объекты и ценности моды того или иного периода*»²³. А.Б. Гофман отстаивает научный подход к моде, несмотря на то, что модой, как таковой, не занимается ни одна из наук. Для нас важно, что мода сочетает в себе два начала — нормативное и ценностное, с существенным преобладанием последнего, то есть принадлежность к моде является скорее проявлением солидарности с определенным ценностным набором. Среди других важных черт моды — ее универсальность и связанная с ней массовость. Участниками моды могут быть различные классы, социальные слои,

22 Гофман А.Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. М., 1994.

23 Там же. С. 12.

профессиональные группы. Кроме того мода - одна из форм коммуникации, способ передачи информации от одних людей другим, с этим связана еще одна ее черта — демонстративность. Эта демонстративность находит свое отражение в фотографиях-визитках - явлении, получившем распространение в рассматриваемый нами период. Исходя из этого, люди, изображенные на них, так или иначе, сообщают что-то о себе своим видом. Информация при этом не является тождественной на всех фотографиях, фотография-визитка, где мы имеем дело с фотопортретом и автографом-подписью изображенного лица, является средством саморепрезентации, составляющей имиджа и его отображением. Рост популярности подобных фотографий в эпоху Серебряного века связан не только с совершенствованием фотопроцесса и развитием технологий, но и с определенным типом модного поведения, характерного для эпохи.

В равной степени такой подход применим и к коллекциям. Составляющими имиджа являются не только внешний вид и другие признаки внешней репрезентации, но также интересы, ценности и хобби.²⁴ Будучи особенно распространенными на рубеже XIX–XX вв, собрания автографов также являлись видом модного поведения со всему присущими ему чертами. Универсальность и массовость коллекций очевидна — собирателем мог явиться представитель науки (например, литературовед или историк), чиновник или же человек, связанный с графологией. Различны будут причины этого поведения — интерес к письму разных эпох, стремление собрать как можно больше различных образцов письма или же профессиональный интерес. Стоит заметить, что массовое увлечение оккультизмом и, как следствие, графологией, также следует рассматривать как разновидность модного поведения.

24 Кошлякова М.О. Имидж в системе массовой коммуникации // Знание. Понимание. Умение. М., 2011. №1. С. 222.

1.3. Серебряный век как смена интеллектуальных парадигм на примере интереса к письму.

Серебряный век русской культуры приходится на конец XIX — начало XX вв. Нами уже были обозначены такие его черты, как всесторонний интерес к личности, распространение мистических идей, активное развитие науки. Последнее характерно и для западноевропейской культуры в целом. Выдающиеся достижения во всех областях научного знания, научно-технический прогресс, безусловно, оказали влияние на формирование взглядов поколения, на идеи и установки начала XX века. Исследуемый нами период связан со многими научными открытиями, в том числе в области психологии и физиологии. Для нас особое значение имеет факт разработки и распространения теории психоанализа, основоположником которой является З.Фрейд, а продолжателем — К.Г. Юнг. Работы З. Фрейда были переведены на русский язык и имели влияние на новое восприятие человека. В основе психоаналитической теории лежат представления о бессознательном и о его воздействии на психику человека. Появляется интерес ко всему «тайному» в человеке, к его нематериальной стороне. Как следствие — популярность таких знаний оккультного толка, как теория животного магнетизма, хиромантия, спиритуализм. Тогда же набирает популярность графология. Графология того периода не является научной дисциплиной, она, скорее, связана с оккультизмом и мистицизмом, хотя попытки подвести под нее научную базу предпринимались. В России ввести ее в разряд научного знания стремился Моргенштерн, основатель «Журнала психографологии», теоретик и практик. Однако в широких слоях графология воспринимается скорее как *паранаучное знание*, тем более если учесть, что четкой теории и методологии графологии выработано не было. Тем не менее, даже такое *паранаучное* видение на момент начала XX века и его широкое распространение и влияние не может быть случайным. Интерес к нематериалистическому в человеке (несмотря на развитие естественных наук и господство позитивистских идей) ярко проявившийся в этот период находит

свое отражение во множестве печатных изданий оккультного толка, популярности услуг психо-графологов, хиромантов и т. д., в увлечении теософией или другими мистическими идеями, в ряде работ философов начала XX века. Стиль научного мышления оказывается интеллектуальной формой выражения стиля жизни.²⁵

Все приведенные факты указывают на определенную смену научных парадигм, произошедшую на рубеже веков. Мы можем утверждать, что в рассмотренный нами период меняется стиль мышления, который, как известно, является проекцией общественного стиля мышления на сферу научного познания.²⁶ Поскольку интерес к письму лежит на границе науки и культуры мы допускаем подход базирующийся на логике Т. Куна, изложенной в работе «Структура научных революций». Под научной революцией в данном случае понимается ситуация, когда старая парадигма замещается целиком или частично новой, несовместимой со старой. Парадигма, по Куну, это то, что объединяет членов определенного научного сообщества. Появление новых парадигм влияет на дальнейшие исследования (так, например, приводится ситуация, когда открытый Гершелем Уран, определенный как комета, был позднее интерпретирован Ликселлом как планета, что спровоцировало открытие в дальнейшем множества новых малых планет и астероидов²⁷). Таким образом, сдвиги в научном восприятии способствуют изменению парадигмы. Как было отмечено выше, на рубеже XIX-XX веков произошли сдвиги в научном мышлении во многих отраслях знания и, главным образом, в области познания человека. XIX век был веком позитивизма, что отразилось на развитии естественных и общественных наук во второй половине столетия. Однако уже в конце XIX века, в связи с прогрессом естественно-научного знания, коренной ломкой научных представлений в начале XX века (например, в физике), интенсивным развитием исследований в области психологии происходит

25 Устюгова Е.Н. Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля. СПб., 2006. С. 49.

26 Там же. С. 47.

27 Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. С. 156.

обращение к области философии и метафизики и уже обозначенный нами интерес к нематериальному, к личности, к паранаучному знанию.

1.4. Интерес к автографу в пространстве русской культуры и науки

Актуализация интереса к автографу в России происходит в конце XIX - начале XX в. Это время тесным образом связано с переменами в системе ценностей людей, с новыми представлениями об окружающем мире и человеке, новым мироощущением. Большое влияние на формирование этой культуры оказало как активное развитие религиозно-философской мысли, так и открытие новых областей научного знания. Также следует отметить ведущую роль российской интеллигенции в распространении идей духовных исканий, оккультных настроений. Характерным явлением этого периода является также повышенный интерес к личности человека, к месту личности в социокультурном пространстве эпохи, в истории, во вселенной - *«проблематизируется человек сам по себе, как некая уникальная точка мироздания, как объект определенного нетрадиционного вероучения»*²⁸. Ключевым становится вопрос о месте человека в историко-культурном процессе. Временной отрезок конца XIX - начала XX вв и связанные с ним явления культуры в России называют также эпохой Серебряного века. Точные границы этого периода определяются исследователями по-разному. По наиболее распространенной точке зрения, начало Серебряного века связано с прочтением Д.С. Мережковским лекции «О причинах упадка и новых течениях в русской литературе» в 1892 году (опубликована в 1893). Окончание эпохи более размыто — от 1917 года до второй половины 30-х гг XX века. Подробно вопрос о периодизации Серебряного века рассмотрен в статье М.А. Ведерниковой²⁹. В данной работе

28 Федотова С.В. Три концепции человека в литературе Серебряного века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2005. №6. С. 33.

29 Ведерникова М.А. Временные рамки Серебряного века: проблемы периодизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. М., 2010. №6. С.45-52.

под Серебряным веком мы будем подразумевать период с конца XIX века до начала 30-х гг (1932 год — утверждение культуры социалистического реализма). Российская интеллигенция на рубеже веков, как отмечает В.С. Толстиков *«напряженно и мучительно искала, ощущая дыхание предгрозового времени, выхода для человека, искусства, общества, России»*³⁰, с чем он связывает расцвет религиозных исканий, распространение мистицизма и мистических настроений. *«Сам человек становится большой проблемой, от решения которой зависит судьба отдельной личности, культуры, общества, истории, в конечном счете — всего мироздания»*.³¹ В рамках этого безусловного интереса к личности, влияния распространившегося оккультизма и мистицизма, получает распространение и уже упоминавшаяся выше графология.

Собирание автографов в XIX веке имеет разнообразные формы: альбомы, собрания фотографий-визиток и т.д. В связи с этим следует отметить, что само явление коллекционирования всегда отражает не только интересы и вкусы самого собирателя, но и общий «культурный смысл эпохи», характерные для нее культурные ценности и нормы.³² Л.Г. Клюканова в статье, посвященной современному частному коллекционированию, акцентирует внимание на том, что оно непосредственно способствует формированию различных способов освоения культуры и ее ценностей осуществляющими его индивидами. Коллекционирование как социокультурное явление позволяет проследить степень восприимчивости общества к преемственности культуры. Сущность коллекционирования и коллекции можно определить как *«опредмечивание в форме уже имеющихся культурных ценностей какой-либо определенной идеи, объединяющий в организованную целостность всю совокупность этих*

30 Толстиков В.С. К вопросу о русской культуре серебряного века // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2012. №18(272). С. 62.

31 Федотова С.В. Три концепции человека в литературе Серебряного века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2005. №6. С. 32.

32 Клюканова Л.Г. Междисциплинарный статус современного частного коллекционирования как феномена культуры // Мир науки, культуры, образования. СПб., 2014. Вып. №6 (49). С. 12.

*ценностей»*³³. Однако существуют и другие определения понятия коллекционирования. С точки зрения А.Н. Малинкина коллекционирование – это *«форма выражения свободы человека, человеческой личности»*. Он же отмечает, что *«коллекционирование близко к игре и лишено цели в виде получения материальной выгоды из своей коллекции. Сам факт собирательства чего-либо осуществляется как реализация собственной свободы, отбор и упорядочение вещей, наделенных для собирателя особым смыслом»*³⁴. Социально-политическая ситуация также влияет на характер коллекционирования, таким образом, с начала XX века активизируются доступные виды объектов собирательства – марки, банкноты, почтовые открытки. Именно к коллекциям такого характера можно отнести предложенное А.Н. Малинкиным определение сущности коллекционирования. Увеличивается интерес и к собиранию автографов, книг и открыток с дарственными надписями, фотографий-визиток. При этом нельзя не согласиться с Н. П. Барболиным и Г.Н. Голядкиным, что на данный момент тема частного коллекционирования недостаточно изучена. Существуют многочисленные работы, посвященные отдельным коллекциям, как правило, наиболее художественно значимым. Однако, *«об исследовании коллекций предметов быта или образцов «малой графики» и говорить не приходится»*³⁵. Необходимость постановки вопроса о специфике становления и эволюции социокультурного феномена частного коллекционирования в широком историческом контексте отмечает М.В. Катагощина.³⁶ По мере увеличения количества предметов в коллекции, она

33 Барболин Н.П., Голядкин Г.Н. Коллекционирование как способ сохранения, воспроизводства и устойчивого развития цивилизации: опыт осмысления и осознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. СПб., 2009. Вып.№1. С. 137.

34 Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М., 2011. С. 21.

35 Барболин Н.П., Голядкин Г.Н. Коллекционирование как способ сохранения, воспроизводства и устойчивого развития цивилизации: опыт осмысления и осознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. СПб., 2009. Вып.№1. С. 136.

36 Катагощина М.В. Социально-культурный феномен частного коллекционирования в истории России XVIII-начала XX веков (к постановке проблемы) //Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. Вып.№6-2. С. 102.

становится способом трансляции культуры. Таким образом коллекция становится сама по себе как бы произведением, явлением культуры.³⁷

Эволюция феномена коллекционирования отражена в статье О.В. Игнатъевой.³⁸ Автор отмечает, что частное и государственное коллекционирование стало одной из культурных практик пришедших в Россию именно в процессе европеизации. Этот процесс связывают как со становлением исторической науки в России, так и с общим изменением образа жизни в России вследствие прихода к власти Петра I. В первой половине XVIII века частное коллекционирование охватывает прежде всего придворный круг, аристократию. Формирование рукописных собраний, как одно из направлений коллекционирования, в России также начало развиваться в начале XVIII века.

Первая половина XIX века связана с расцветом русской дворянской культуры, который тесно связан с явлением русской дворянской усадьбы. Определенная часть дворянства переходит к целенаправленному собиранию как правило однородных предметов, имеющих художественную или научную ценность. К этому времени также относится становление русской археографии. С развитием исторической науки были созданы коллекции рукописей Г. Ф. Миллера, В. М. Ундольского, И. Е. Забелина. Собирали рукописей занимались и некоторые представители купечества - И. Н. Царский, И. А. Вахрамеев, А. А. Титов. Важную роль в создании рукописных собраний стали играть научные общества и специальные учреждения, такие как Московское общество истории и древностей российских, Археографическая комиссия. В Российской национальной библиотеке хранится собрание автографов М.П. Погодина, историка и коллекционера. С 1821 года он совершал поездки по России с целью приобретения рукописей и имел своих агентов в разных городах.³⁹ Его

37 Яо М.К., Еманова Ю.Г., Бородин С.Д. Коллекционирование: вопросы аккумуляции, актуализации и идентификации // Филология и культура. Казань, 2012. Вып. №3. С. 203.

38 Игнатъева О.В. Частное коллекционирование в процессе европеизации России в XVIII — начале XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. Пермь, 2014. Вып. №2(25). С. 22-27.

39 Сиринов А.В. Собрание рукописей в России до 1917 г. Учебно-методическое пособие к курсу «Русская археография». СПб., 2008. С. 25.

коллекция предметов старины, рукописных книг и автографов получила название «Древлехранилище» и в 1852 году была продана Императорской публичной библиотеке. Одной из составляющих собрания рукописных материалов является коллекция автографов, состоящая из 429 единиц хранения — рукописей произведений, писем, документов с автографом-подписью русских и иностранных деятелей.

Отдельно следует коснуться феномена литературного или светского альбома. «Альбом был рожден как своеобразная игра в недрах литературного быта» - считает исследователь альбома Пушкинской эпохи Л.И. Петина.⁴⁰ Расцвет этого явления приходится на первую половину XIX века. Жанр прошел в своем становлении ряд этапов, однако за всю историю существования, литературный альбом претерпел лишь некоторые изменения. Главным образом это постепенное ослабление признака «профессиональности», «переход в интуитивности»⁴¹ — считает Г.Ф. Архипова, исследовавшая девичий альбом, как еще одну разновидность альбомного жанра. Л.Б. Вахитова рассматривает литературный альбом как явление книжной культуры, основные его черты это полижанровость и синкретичность.⁴² Действительно, традиционный литературный альбом является синтезом графики и текста. Л.И. Петина вслед за В.Э. Вацуро, исследовавшим альбомы в собрании Пушкинского дома, выделяет как наиболее распространенные и представительные следующие разновидности: альбом-собрание автографов, альбом-собрание текстов и так называемый «литературно-бытовой» альбом, или альбом в собственном смысле слова.⁴³

Распространение массового альбома было связано в бурным ростом кружков и салонов в XIX веке. Эти альбомы собирали автографы посетителей

40 Петина Л.И. Структурные особенности альбома Пушкинской эпохи //Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. Вып. 645. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/529033.html>.

41 Архипова Г.Ф. Девичий альбом: к вопросу о происхождении жанра // Культура и текст. Барнаул, 2005. №10. С. 186.

42 Вахитова Л.Б. Альбом как явление книжной культуры //Вестник Московского государственного университета печати. М., 2013. №1. С. 32.

43 Петина Л.И. Структурные особенности альбома Пушкинской эпохи//Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. Вып. 645. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/529033.html>.

собраний, отражавшие их интересы и ценности. Исследованием альбомных коллекций ГТМЦ им. А.А. Бахрушина как социокультурного феномена и исторического источника занимался М.М. Леонов. Он указывает, что в пореформенную эпоху альбом утрачивает свой аристократический лоск, например, появляются фривольные стихи. Альбом, по мнению автора, был выведен из разряда элитарной культуры, произошел уход от романтического содержания, отказ от использования французского языка. Кроме того, обращает на себя внимание особая разновидность альбома — альбом-коллекция, с вырезками из газет и журналов. В целом альбомы содержали определенный срез социальных связей владельца, служащий индикатором признания в своем круге. М.М. Леонов отмечает, что такой альбом мог использоваться в репрезентативных целях. Автографы, оставленные в альбомах, являются источником для изучения перемен, происходивших в сознании общества. Автографами в альбомах могут быть как пожелания или наставления его хозяину, цитаты великих людей или из классической литературы, собственные стихотворные зарисовки, рисунки. Также характерен прием «переклички автографов» - пишущий искал тему в записи предыдущих авторов.⁴⁴ Л.И. Петина отмечает подобное явление и в литературных альбомах пушкинской поры. Во второй половине XIX века альбом распространяется в широких слоях образованного общества, что по мнению М.М.Леонова может рассматриваться как признак структурных изменений в общественной жизни России.⁴⁵

Традиция альбома сохранилась и в культуре Серебряного века. В этом отношении интересен альбом К.И.Чуковского «Чукоккала», появившийся в 1914 году, собравший автографы виднейших деятелей культуры Серебряного века. Последняя запись в альбоме датируется 1969 годом, из чего следует, что записи осуществлялись на протяжении более чем 50 лет. Альбом содержит стихи, рисунки, надписи, выполненные в шуточной манере И.Е.Репина, А.Н.Толстого,

44 Леонов М.М. Альбомные коллекции как исторический источник (по материалам ГЦТМ им. А.А.Бахрушина) //Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2009. С. 66.

45 Там же. С. 67.

И.А.Бунина, Ф.И.Шаляпина, А.Н.Бенуа, К.С.Петрова-Водкина, М.М.Зощенко, А.А.Ахматовой, О.Уайльда, Г.Уэллса и др. Ю.Б. Балашова называет «Чукоккалу» уникальным иллюстрированным документом литературного быта.⁴⁶ И.Андронников в предисловии к первому печатному изданию альбома (1979) отмечает, что «Чукоккала» - уникальное явление, несмотря на богатую традицию альбома начиная с пушкинской эпохи. *«Решительно альбомов других, подобных «Чукоккале», нет! Столь богатых по именам и по множеству дарований альбомов, таких необыкновенно разнообразных, иллюстрированных, долголетних — шутка сказать, полстолетия, — нет, таких просто не существует!»*.⁴⁷ Таким образом, в альбоме художники, писатели и деятели культуры создают свой собственный мир, конструируют его посредством рукописи. *««Чукоккала» — зона доверия, тот духовный «Дом Поэта», который нельзя было отнять, как отняли у Волошина коктебельскую художественную колонию»*, считает Б.Соколов.⁴⁸

46 Балашова Ю.Б. Альманах как иллюстрированный тип издания // Ученые записки Казанского университета. Казань, 2015. №4, Т.157. С. 26.

47 Андронников И. Корней Иванович и его «Чукоккала» // Чукоккала. М., 1979. С. 5-9.

48 Соколов Б. «Все олимпы липовы, кроме Чукокколы!» Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского (новейшее издание) // Новый мир искусства. М., 2007. №5. С. 65-66.

ГЛАВА 2.

Источники. Собrania автографов и альбомы-коллекции

2.1. Типология фондов и степень их изученности.

Собрания автографов — уникальный историко-культурный источник, получивший наибольшее распространение и развитие в эпоху Серебряного века. В данной работе нами рассмотрен ряд коллекций отдела рукописей РНБ, сформированных в конце XIX - начале XX вв. Однако сами материалы собраний (рукописные автографы) могут относиться к разным историческим периодам, что зависит главным образом от интересов собирателя. Российская национальная библиотека — крупнейшее хранилище разнообразных личных материалов, писем, частных архивов, фотографий и альбомов. Тем не менее не все личные фонды содержат целенаправленно сформированные подборки автографов. Нами были отобраны наиболее интересные, на наш взгляд, образцы, собранные представителями одной социальной среды — русской интеллигенции рубежа веков.

Как было отмечено выше, далеко не каждый личный фонд может рассматриваться как собрание автографов, несмотря на то, что большинство из них так или иначе содержит подпись или образец письма в составе личных документов. Естественно, все разнообразие коллекций Отдела рукописей не ограничивается приведенными ниже собраниями. Однако предложенные нами примеры дают представление о разных формах и типах собирательства. О типологии коллекций следует сказать отдельно. Отметим, что вопрос о типологии собраний автографов не был предметом исследования ранее и впервые ставится именно в данной работе. Мы предлагаем следующую классификацию: по характеру деятельности фондообразователя и по форме самой коллекции.

Формирование коллекций происходило по нескольким причинам, исходя из которых, мы выделим три группы. Во-первых, это собрания литературоведов, которые являются наиболее распространенными (П.Н. Медведев, П.Я.

Заволокин). Согласно описям, составленным около полувека назад (1960-е), они представляют наибольший интерес для «изучения истории русской и советской литературы». Сейчас их ценность не стала меньше. Сегодня подобные источники также являются богатейшей базой истории письма за длительный исторический период, что имеет особое значение для вопросов письменного поведения и почерковой моды. Во-вторых, фондообразователем может также являться собственно коллекционер. Для таких собраний характерны более широкие исторические рамки рукописей и разнообразие их исполнителей (П.А. Картавов, П.Л. Ваксель). В-третьих, отдельно отметим собрание автографов, связанное с занятием фондообразователя графологией (К.К. Владимиров). Рассмотренные собрания отражают определенную модель собирателя интересующего нас периода — конца XIX - начала XX вв. Нами были рассмотрены фонды *П.Л. Вакселя* и *Э.П. Юргенсона* (Ф. 124. Ваксель П.Л., Юргенсон Э.П. Собрание.), коллекция *К.К. Владимирова* (Ф. 150. Владимиров К.К.), *коллекции П.Я. Заволокина* (Ф. 290. Заволокин П.Я.), *П.Н. Медведева* (Ф. 474. Медведев П.Н.), *П.А. Картавова* (Ф. 341. Картавов П.А.). Кроме того, стоит отметить альбом литературного общества «Пятницы», входящий в собрание *К.К. Случевского* (Ед. 2. Ф. 703. Случевский К.К.), который также является своего рода коллекцией автографов.

По форме мы подразделяем выбранные нами образцы на собрания автографов и на альбомы-коллекции. В первом случае мы имеем дело с подборкой различных документов (официальных, личных писем, дарственных надписей, подписей-автографов, образцов письма и др.), находящихся внутри фонда и относящихся к различным персоналиям. В таком виде представлено, например, собрание П.Л. Вакселя и Э.П. Юргенсона. Во втором случае это альбом, под которым мы понимаем и тетрадь со специально оставленными в ней образцами письма различных авторов, и некогда объединенное в него собрание автографов (например, собрание П.Н. Медведева, оформленное в альбомах, которые, в данный момент, расшиты), и непосредственно литературный альбом,

являющийся продолжателем давней традиции салонных альбомов в эпоху Серебряного века (например, альбом литературного общества «Пятницы»).

Рассмотренные нами фонды и персоналии привлекали внимание исследователей. П.Л. Ваксель и Э.П. Юргенсон упоминаются в статье О.С. Соловьевой в связи с автографами А.С. Пушкина (запись евангельского изречения и «Подражания древним»), приобретенными Вакселем в конце XIX века, а затем переданными его продолжателю Юргенсону.⁴⁹ Также коллекция Вакселя упоминается в связи с документами Рахманинова (музыкальные автографы) с работ М.В.Михеевой⁵⁰, Н.А. Огарковой⁵¹, другими музыкальными автографами — И.Ф. Безугловой⁵². Статья В.Богдан «Дар Платона Вакселя музею Академии художеств»⁵³ посвящена картинам, этюдам, акварели — коллекции, полученной Вакселем от М.В. Никонова. Статья примечательна тем, что в ней дана краткая биографическая справка о П.Л. Вакселе и характеристика собрания в целом. Известна также статья Э.Э. Найдич⁵⁴, посвященная обзору автографов русских писателей в собрании. Кроме того, о коллекции П.Л. Вакселя и Э.П.Юргенсона писал их современник — В. Уманов-Каплуновский. В целом, несмотря на разнообразие работ, посвященных, главным образом, музыкальным и литературным автографам из собрания П.Л. Вакселя и Э.П. Юргенсона, полного и всестороннего обзора его коллекции не обнаружено.

О коллекции П.Я. Заволокина упоминается в работе Е.Д. Конусовой⁵⁵, в

49 Соловьева О.С. Новые данные об автографах Пушкина / Временник Пушкинской комиссии. М.–Л., 1963. С. 9–18.

50 Михеева М.В. Архив С.В. Рахманинова в Петербурге как источник изучения творчества и биографии композитора: дисс. ... к.и. 17.00.02 Музыкальное иск. СПб., 2011.

51 Огаркова Н.А. Коллекция музыкальных автографов Браша-Вакселя-Юргенсона как социокультурный феномен // Источниковедение истории культуры. СПб., 2009. Вып. 2. С. 95-100.

52 Безуглова И. Ф. Некоторые материалы зарубежных музыкантов в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России. М., 2000. С. 211-217.

53 Богдан В. Дар Платона Вакселя музею Академии художеств // Диалог искусств. Журнал Московского музея современного искусства. М., 2009. С. 6-10.

54 Найдич Э.Э. Автографы русских писателей в собрании П.Л. Вакселя // Сборник Гос. Публ. Б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1955. Т. 3. С. 89-102.

55 Конусова Е.Д. Коллекция автобиографий и библиографических материалов С. А. Венгерова: формирование и историко-литературное значение: дисс. ... к. фил. наук. СПб., 2016.

разделе, посвященном соратникам и ученикам С.А. Венгерова. Однако, в данном случае речь идет не о коллекции непосредственно автографов, а о коллекции автобиографий, собранной им же.

Собранию П.А. Картавова посвящена статья А.А. Богданова, всестороннее рассматривающая коллекцию, типологию материалов внутри нее и биографию самого фондообразователя.⁵⁶ Ряд статей посвящен отдельным аспектам собрания - о собрании филигранных на бумаге из коллекции Картавова писала М.В. Кукушкина⁵⁷, однако в данной статье речь идет о той части собрания, которая находится в Библиотеке Академии науки. О коллекции по истории отечественного монетного дела писал упомянутый выше А.А.Богданов.⁵⁸ Кроме того, о Картавова существует ряд воспоминаний — Ф.Г. Шилова, П.Н. Мартынова, П.Н. Беркова.⁵⁹

Специальных исследований, посвященных коллекции К.К. Владимирова нет, биографических данных о нем также крайне мало. Следует отметить работу А.И. Андреева, которая имеет скорее научно-популярный характер. В ней дается краткая биография графолога, рассматривается его деятельность в области оккультизма (предсказывание будущего, графология и т. д.), а также упоминается его собрание.⁶⁰

О П.Н. Медведеве писали как о литературоведе и критике в статьях Н.Л.Васильева⁶¹, Ю.П. Медведева⁶². Однако работ, посвященных обзору

56 Богданов А.А. Петр Алексеевич Картавов и его коллекция //Фотография. Изображение. Документ. СПб., 2011. Вып.2. С. 23-37.

57 Кукушкина М.В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII– начала XIX в. (обзор собрания П.А. Картавова) //Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М., Л., 1958. Вып. 2. С. 285–371.

58 Богданов А.А. П.А. Картавов и его коллекции по истории отечественного монетного дела в Российской национальной библиотеке // Библиофильство и личные собрания. М., 2011. С. 75–82.

59 Шилов Ф.Г. Записки старого книжника. М., 1959. С. 77–78 ; Мартынов П.Н. Полвека в мире книг. М., 1990. С. 322–324 ; Берков П.Н. История советского библиофильства. М., 1983. С. 152.

60 Андреев А.И. Время Шамбалы: оккультизм, наука и политика в советской России. СПб., 2004.

61 Васильев Н.Л. Лингвистическое содержание книги П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» //Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. №2 (42). С. 28-50.

62 Медведев Ю. П., Медведева Д. А. Круг М.М. Бахтина как «мыслительный коллектив» // Звезда. М., 2006. №7. С. 197-198.; Медведев Ю. П. На пути к созданию социологической поэтики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. М., 1998. №2. С. 5-57.; Медведев Ю. П., Медведева Д. А. Творческое наследие П.Н. Медведева в свете диалога с М.М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. М., 2001. №2. С. 73-94.

непосредственно его коллекции автографов обнаружить не удалось.

Следует заметить, что несмотря на то, что данные фонды не раз привлекали внимание исследователей, ни одна из приведенных выше работ не посвящена проблеме коллекций автографов как самостоятельного культурного явления.

2.2. Социокультурная типология собирателей автографов и коллекции.

Рассмотрим примеры коллекций разных типов. Одной из "литературоведческих" коллекций является собрание фонда П.Н. Медведева (1892-1938), профессора РГПУ им. Герцена, литературоведа, критика. Избранный ведущим сотрудником ИРЛИ в 1925 году, Медведев в качестве литературоведа занимался исследованием творчества А.А. Блока, а также оставил воспоминания об А. Белом, Н.А. Клюеве. Материалы его коллекции были приобретены РНБ в 1943 году в Книжной лавке писателей.

Интересующий нас материал фонда был сгруппирован автором в два альбома по 37 листов (в данный момент альбом расшит). Содержание альбомов разнообразно: рукописи произведений, дарственные и памятные надписи, письма, рисунки и портреты писателей конца XIX - середины XX вв. Среди них автографы А.А. Ахматовой, И.Э. Бабеля, К.Д. Бальмонта, Д. Бедного, Н. С. Гумилева, О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и других. Материалы расположены в алфавитном порядке по персоналиям. В первом альбоме собраны автографы авторов, чьи фамилии начинаются на «А-И» (1901-1936 гг), во втором «К-Я» (1887-1931), соответственно. Отдельный интерес представляют подписи-автографы литераторов. Иногда подпись представлена в контексте фотографии (например, фотопортрет с автографом Н.С. Гумилева⁶³). Здесь мы имеем дело с еще одним типом источника – фотопортрет с автографом или дарительной надписью. В отдельную категорию материалов фонда выделены

63 ОР РНБ. Ф. 474. Ед. 1. Л. 32 об.

титульные листы книг (61) разных авторов с автографами - дарительными надписями И. Иоффе, Н.А. Ключева, Б.А. Лавренева, О. Форш.

Еще одна коллекция, собранная литератором относится к фонду П.Я. Заволокина, поэта и библиографа (1878-1941). Фонд поступил в Отдел рукописей в 1946 году в дар. П.Я. Заволокин автор библиографических работ «Современные рабоче-крестьянские поэты» и «Русская поэзия революционного периода». Соответственно, его фонд включает материалы биографического и библиографического характера об интересующих его персоналиях разного типа – краткие биографии, написанные самим автором, автографы и их копии, вырезки из газет и портреты писателей, среди которых материалы, относящиеся к В.Я. Брюсову, К.А. Федину, Ф.Ф. Шкулеву. Как и в коллекции П.Н. Медведева, здесь представлены автографы-подписи (И.Л. Любский, А.А. Соколов), дарственные надписи как Заволокину, так и другим адресатам (например, надпись К.Д. Бальмонта к В.Д. Протопопову⁶⁴, П.Г. Ганзена — Я.Д. Бологовскому⁶⁵), фотопортреты с автографом (В.М. Абрамович, А.А. Васильев, Г.Д. Деев-Хомяковский, Г.Д. Дружинин, В.А. Монин), письма, подписи-автографы (В. Зверев, И.Л. Любинский, В.А. Лугаковский). Кроме того, очевидно, что с биографическими интересами Заволокина связаны еще две единицы фонда — собрание биографий, портретов и образцов творчества писателей XIX - начала XX веков⁶⁶ и собрание портретов политических деятелей, литераторов, художников и ученых⁶⁷.

Собрание П.Л. Вакселя и Э.П. Юргенсона является примером коллекции, целью формирования которой было непосредственно собирание автографов как можно более широкого спектра известных личностей. П.Л. Ваксель, музыкальный критик, сотрудник Министерства иностранных дел, начал собирать свою коллекцию автографов, рисунков и портретов русских и

64 ОР РНБ. Ф. 290. Ед. 47.

65 ОР РНБ. Ф. 290. Ед. 55.

66 ОР РНБ. Ф. 290. Ед. 227.

67 ОР РНБ. Ф. 290. Ед. 228.

иностранных деятелей в 1871 году, будучи студентом. В своей деятельности коллекционера он стремился охватить как можно большее количество деятелей искусства, литературы, науки и политики. Следует подчеркнуть, что П.Л.Ваксель изначально предполагал, что всё собранное им будет со временем передано в Публичную библиотеку, следовательно, его собрание имело конкретную цель. После смерти П. Л. Вакселя его коллекция оказалась разрознена, однако большая часть перешла к его приемному сыну и наследнику Эрнесту Петровичу Юргенсону. Юргенсон передал часть автографов в Императорскую Публичную Библиотеку, а в 1918 продал все собрание Наркомпросу, откуда оно также поступило в РНБ.

Собрание Вакселя и Юргенсона достаточно объемное (5082 единицы), описано в алфавитном порядке (по фамилиям авторов рукописей), опись представлена в трех частях: I – А-З, II – И-Р, III – С-Я. Авторы — представители самых разных социальных и профессиональных слоев: государственные чиновники, деятели культуры и искусства, ученые, литераторы, публицисты, служители церкви (например, архиепископ финляндский — Антоний Храповицкий⁶⁸), военные, художники, политики, дворяне (князья Волконские, Голицыны, графы Воронцовы, Голенищевы-Кутузовы и др). По характеру документа автографы представлены письмами, записками и расписками, личными подписями, рукописями нот и стихотворений, литературных произведений, дарственными надписями, личными документами (паспорта, в том числе и заграничные и т д), фотопортретами, официальными документами (заявления указы и т. д.). Самый популярный вид документа — письма, как из переписок с Вакселем или Юргенсоном, так и их переписка других авторов.

Отдельно следует отметить большой объем автографов и других материалов членов дома Романовых и родственных фамилий (Лейхтенбергских, Ольденбургских) - указы, грамоты, письма монархов. Самый ранний

68 ОР РНБ. Ф.124. Ед. 177.

датированный документ относится к 1708 году - это письмо князю Федору Юрьевичу Ромодановскому от царевича Алексея Петровича⁶⁹.

Собрание Вакселя содержит также изобразительные материалы — альбомы с рисунками, репродукции, фотографии. Среди фотоснимков есть и фотопортреты с автографом-подписью М.А. Иониной, Е.Ф. Кони, Ал.Сорокина, а также фотопортрет неустановленного лица.

Собрание рукописей составленное П.А. Картавовым включает в себя автографы и копии произведений и писем разных лиц, документы, касающиеся отдельных лиц и учреждений, графические материалы. Петр Алексеевич Картавов (1873-1941) со времен обучения в коммерческом училище проявил интерес к собиранию «предметов старины», а с 1883 года начал собирать книги.⁷⁰ Интерес был подкреплён прослушиванием лекций в Петербургском Археологическом институте в качестве вольнослушателя. Он собирал как письменные, так и изобразительные и вещественные источники. К началу XX века окончательно оформился круг его интересов, среди которых печатные книги и рукописи, автографы известных людей, документы ведомств, филигранные, гербовая бумага, личные архивы. Изучению гербовой бумаги Картавов посвятил свой труд «Исторические сведения о гербовой бумаге в России» (1899-1900). Часть собрания автографов Картавова было передано Российской Национальной библиотеке в 1904 году в дар. В коллекцию входят официальные и личные письма, рукописи литературных произведений, личные документы (например, паспорт Ф. Михайлова⁷¹), официальные документы (доверенности, отношения и т.д.), графика (рисунки). Среди ведомственных документов отметим материалы, относящиеся к дворянским выборам в Петербурге 1842 года, к проведению крестьянской реформы, дела московского коммерческого суда, документы канцелярии от строений, бумаги соляной

69 ОР РНБ. Ф.124. Ед. 239.

70 Богданов А.А. Петр Алексеевич Картавов и его коллекция //Фотография. Изображение. Документ. СПб., 2011. Вып.2. С. 28.

71 ОР РНБ. Ф. 341. Ед. 560.

конторы, горных и соляных дел, дело военно-цензурного комитета.

Отдельного рассмотрения заслуживает альбом литературного общества «Пятницы» из собрания К.К. Случевского⁷². Альбом продолжает традицию, развившуюся еще в первой четверти XIX века — в переплете, с белыми глянцевыми листами, без наклеек и вкладышей, на обложке указано «Пятницы. С 23 октября 1898 г.». Предполагалось, что при каждой встрече литературного общества, посетители будут оставлять свои записи. Таким образом, на листах отмечалась дата собрания (очередной «пятницы»), а дальнейшее содержание было различным. В основном это автографы-подписи, памятные записи, стихотворные миниатюры, «диалоги-переключки» между оставившими запись. На обороте первого листа перечислены авторы всех автографов, содержащихся в альбоме, а также оставлен небольшой текст, озаглавленный «Судьба альбома «Пятницы»», датируемый 28 октября 1908 г. Поясняется, что вырванных страниц нет — альбом начался только с 12-й пятница 12 февраля 1899 года.

Кроме личных подписей и стихотворений, в альбоме много разного рода «заявлений» и «протоколов», написанных также от руки и зачастую в шуточной форме, в которых сообщается о каких-либо намерениях посетителей «пятниц» - например, издавать альманах или выпускать юмористический листок. Последняя пятница (последний лист, на котором есть записи) — 12 декабря 1903 года. Альбом собрал автографы таких деятелей культуры Серебряного века, как В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, Д.С. Мережковский, А. Коринфский. Поскольку альбом наполнен разнообразными автографами-подписями посетителей собраний, мы полноправно можем относить его к разновидности коллекций.

2.3. Графологическое собрание конца XIX - начала XX в. на примере коллекции К.К. Владимирова.

Если в предыдущем параграфе коллекции описаны достаточно кратко и

72 ОР РНБ. Ф. 703. Ед. 2.

«суммарно», поскольку они являются довольно частым явлением для отдела рукописей, то на фонде К.К. Владимирова мы считаем должным остановиться более подробно. Особое внимание к коллекции К.К.Владимирова обосновано тем, что его собрание образовано под влиянием графологических занятий. Графологическое собрание — это особый вид коллекций тех, кто занимался непосредственно почерком и личной подписью. Следовательно, основной мотивацией собирания в данном случае является именно письмо с его разновидностями и особенностями, а не та или иная персоналия и принадлежащая ее руке запись. Фонд можно назвать уникальным, поскольку это единственный обнаруженный нами пример в Отделе рукописей собрания материалов графолога.

Кроме рукописных материалов и многочисленных автографов разных лиц, фонд содержит статьи К.К. Владимирова (автографы и вырезки из журналов), опубликованные им в журналах «Дамский мир» и «Из мрака к свету», по-видимому, с целью привлечь внимание к графологии и к своей личности.⁷³ Сам Владимиров называет себя в статье из журнала «Дамский мир» *«...пионером в области исследования индивидуальных и интеллектуальных особенностей почерка»*.

Биографических сведений о нем крайне мало, вариант обобщенной биографии предложен в работе А.И. Андреева «Время Шамбалы: оккультизм, наука и политика в Советской России»⁷⁴. Известно, что Владимиров, как и многие в начале XX века, увлекался графологией, брал уроки у Моргенштерна, а с 1909 года начал практиковать сам. В рамках своей графологической практики К.К. Владимиров не только анализировал характер и личность по почерку, но и пытался предсказывать таким образом будущее, что связано, скорее, с общей популярностью оккультизма в начале XX века. Это объясняет характер фонда Владимирова.

73 Владимиров К.К. Что такое графология? //Дамский мир. Петроград, 1916.

74 А.И.Андреев. Время Шамбалы: оккультизм, наука и политика в Советской России. СПб, 2004.

Кроме того, К.К. Владимиров практиковал и литературную деятельность, что следует из наличия в фонде двух его произведений, подписанных псевдонимом «Стано» - этюд на двух листах «Драгоценные камни» и стихотворение в прозе на 8 листах «Луна».

В результате многолетних занятий графологией Владимиров собирает приличную коллекцию автографов. Фонд включает объемный раздел «Собрание автографов разных лиц», содержащий 216 ед. Материалами являются сочинения, записи на память, автографы-подписи. Можно выделить такие материалы, как рукописи стихотворений А. Белого, ряд рукописей рассказов и стихов Л.И. Борисова и его же автограф-запись на память, автографы В.Я. Брюсова, И.А. Гриневской (стихотворения и рассказы), поэма «Марфа-Посадница» С.А. Есенина и его же автограф-запись на память неустановленному лицу (возможно, самому Владимирову), рукописи рассказов М.М. Зощенко, стихотворений В.И. Иванова, Н.А. Клюева. К последнему также относится фотопортрет его с И. Марковым с автографами-записями на память графологу. Интересны также записные книжки Д.С. Мережковского с его заметками и набросками, его же рукописи стихов и пьес, и многие другие образцы.

Отдельно в фонд включены альбом *К.К. Владимирова*⁷⁵ с автографами П.В. Быкова, Н.Н. Брешко-Брешковского, А.К. Глазунова, С.М. Городецкого, И. Ершова, М.Е. Люкан, В.А. Мазуркевича, М.М. Мурашева, Вас.И. Немировича-Данченко, Д.М. Цензора, Ю.М. Юрьева и др. Альбом в переплете, автографы датируются 1914-1920, всего 74 листа. Есть автографы, оставленные непосредственно на листах альбома карандашом или чернилами, а также автографы на вклеенных листках. По содержанию это стихотворные отрывки (например, автограф Н.Н.Кузьмина⁷⁶), пожелания хозяину альбома, как

75 ОР РНБ. Ф. 150. Ед. 473.

76 Там же. Л. 27.

например - «Желаю успеха нашему труду»⁷⁷ или «Предвещаю вашему труду громадный и блестящий успех и зарание Вас с ним поздравляю»⁷⁸, а также «Призывая Божие благословение на плодотворный труд Константина Константиновича Владимировича желаю полного успеха на благо искусства и науки» подписанное А.И. Кузнецовым⁷⁹. В повторное посещение им же К.К. Владимировича, он оставляет запись, что «...ухожу вполне духовно уравновешенным от могучей его веры в Творца и природу..» при этом «это не новое мое самочувствование, а повторение предыдущего его посещения».⁸⁰ Также альбом содержит автограф А.М. Ремизова выполнен чернилами и вклеенный на листе⁸¹. Авторы автографов также высказывают свое мнение по поводу графологических занятий Владимировича — например, А. Измайлов сомневается в перспективах графологии - «В возможности графологии, как точного знания, я не верю». Некоторые записи представляют собой короткие фразы (например, «на добрую память») или только подпись и дату.

Отметим также тетрадь с автографами разных лиц, датированную 1915 годом и состоящую из 14 листов⁸². Она содержит рукописные заметки разных авторов и также может быть отнесена к альбомному типу. Некоторые подписи распознаются — Н. Андреяновского, В. Колосова, Ф. Леве, А. Сперанского, Стольца, другие - нечитаемы. Как и в ранее рассмотренном альбоме, в данной тетради собраны пословицы, поговорки и цитаты, вписанные разными авторами чернилами и карандашом. Среди них встречаются такие записи, как «Действие равно и противоположено противодействию» (А.Сперанский), «Экономия — великое дело» сказал Архимед» (без подписи), «Забогаься о счастье других, мы находим свое собственное. Платон» (Д.Столец). На некоторых листах по 2-3 цитаты, отдельные листы пустые (пропущены).

77 Там же. Л. 13.

78 Там же. Л. 24.

79 Там же. Л. 34.

80 Там же. Л. 38.

81 Там же. Л. 18.

82 ОР РНБ. Ф. 150. Ед. 475.

Отдельно в состав фонда включено собрание обложек и титульных листов с автографами-дарственными надписями разных лиц⁸³ за 1874-1917 гг., всего 64 листа, некоторые — с владельческими надписями К.К. Владимирова.

В рамках своих графологических занятий К.К. Владимиров также собрал ряд отдельных автографов разных лиц (29 ед., 1895-1920 гг.)⁸⁴. Это и короткие фразы, и отдельные автографы-подписи, оставленные намеренно, обрывки документов с рукописной подписью. Некоторые обрывки документов датированы внизу карандашом, вероятно, самим Владимировым 1860 и 1862 годом⁸⁵.

Самый большой объем документов дают *материалы к его работам по графологии* — письма разных корреспондентов с их образцами почерков, расположенные по алфавиту и сгруппированные в 5 собраний. Большая коллекция материалов, собранных Владимировым для графологического исследования почерков, свидетельствует о необычайной его популярности в качестве специалиста по графологии и востребованности. Материалы разбиты на группы листов в алфавитном порядке (по фамилии автора рукописи) и большей частью представляют собой письма с просьбой «*определить национальность, профессию, возраст, голос, интонацию, любимые слова, душевные качества и пороки*»⁸⁶ и другие особенности автора по почерку. Интересно, что большинство авторов писем отмечают крайне неразборчивый почерк самого Владимирова и просят его писать понятнее. Кроме того, материалы включают в себя памятные записи от разных людей, на некоторых таких рукописях стоит пометка карандашом о принадлежности документа Владимирову⁸⁷.

В целом для фонда К.К.Владимирова характерна его графологическая направленность, большинство документов (за исключением немногочисленных личных архивных материалов) так или иначе связано с его исследованиями

83 ОР РНБ. Ф. 150. Ед. 474.

84 ОР РНБ. Ф. 150. Ед. 16.

85 Там же. Л. 15-16.

86 ОР РНБ. Ф. 150. Ед. 18. Л. 13.

87 ОР РНБ. Ф. 150. Ед. 19. Л. 1.

почерков. Отметим, что собрание Владимирова является интереснейшим материалом истории культуры Серебряного века, неотъемлемой частью которой является новое понимание письма и усилившийся интерес к почерку в целом.

ГЛАВА 3.

Феномен интереса к автографу в русской культуре Серебряного века

Интерес к письму в конце XIX – начале XX в. не может рассматриваться вне контекста особой культуры того времени, именуемой культурой Серебряного века. Особенности развития науки и социокультурной жизни общества, появление новых идей, связанных с нематериальной стороной жизни и человека, привели к тому, что мы называем осознанием письменной индивидуальности. В предыдущих главах мы уже отметили, что объяснить это явление можно с позиции нового научного (а иногда и паранаучного) видения человеком себя и окружающего мира, определенной сменой парадигмы, произошедшей на рубеже веков. Кроме того, к оценке феномена собраний автографов и непосредственно автографов-подписей мы подходим, опираясь на поведенческий подход, рассматривая письмо как моду, а также сами коллекции — как часть модного поведения. Кроме того, такое явление, как графология лежит на границе этих двух влияний, к нему в равной степени применимы и термин «модное поведение», поскольку оккультные знания в начале XX века являлись частью господствующей моды, и подход с точки зрения смены научного видения. Новыми представлениями о мире мы можем объяснить не только появление графологии в принципе, но и ее масштабное распространение в России в исследуемый нами период. Следует отметить, что увлечение письмом и вопросами, связанными с почерком не ограничивается коллекционированием образцов письма. Особое внимание к стилю письма нашло отражение и в периодических изданиях данного периода (в шрифтах), и в графических опытах писателей и художников. Можно отметить несколько аспектов этого увлечения:

1. Идея нематериального «следа». Распространение оккультных наук (главным образом — графологии);
2. Интерес к письму в печати, выраженный в стилистике печатного шрифта. Журнал «Мир искусства» как объединение художников-стилизаторов;

3. Интерес к письму с точки зрения стиля, так называемая «игра с письмом». (Опыты А.М. Ремизова, В. Хлебникова, писателей и художников футуристов).

Каждый из этих пунктов требует определенных пояснений и отдельного рассмотрения.

3.1. Графология и идея «нематериального следа» в контексте русской культуры конца XIX – начала XX в.

Познавательный интерес к личности во всех ее проявлениях, подкрепленный популяризацией психоанализа на рубеже XIX-XX вв. переплетается со стремлением рассмотреть «тайное» и нематериальное в человеке. В этом отношении особый интерес представляет работа протоирея и проповедника Г. М. Дьяченко «Из области таинственного...», написанная им в 1900 году. Г.М. Дьяченко - воспитанник Московской духовной академии, а также писатель и автор популярных в начале XX века книг - «Слова, поучения, беседы и речи пастыря церкви на разные случаи» (М., 1898); «Полный церковно-славянский словарь» (М., 1900); «Полный годичный круг кратких поучений, составленных на каждый день года» (М., 1901). Как можно заметить, литература Г.М. Дьяченко носит преимущественно церковный характер. Полное название интересующей нас работы - *«Из области таинственного: Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности. С приложением рассказов и размышлений, приводящих к признания духовного мира вообще»*. Особенность труда состоит в том, что церковный служитель и проповедник приводит многочисленные примеры способностей человеческого духа, которые принято считать «сверхъестественными» или «паранормальными», например — телепатия, гипнотизм, сомнамбулизм, явления умерших. Дьяченко называет в качестве цели работы *«пробуждение интереса читателя к собственному внутреннему миру, природе таинственного*

нашего духа»⁸⁸. Высшая цель — вызвать желание у читателя «чаще заглядывать в собственное сердце для того, чтобы чрез познание себя самих убеждаться в нашей немощи и необходимости помощи Бога, Который есть единственный источник жизни, просвещения, блаженства»⁸⁹, что вполне соответствует духовному статусу автора. Как уже было отмечено, в книге идет речь о таких понятиях, как магнетизм, спиритизм, предвидение, ясновидение, то есть о категориях, которые скорее характерны для оккультных журналов, нежели для труда служителя Русской Православной церкви. Однако, «Отрицатели всего таинственного служат тормозом для человеческой мысли и духа»⁹⁰ - пишет Г. Дьяченко в предисловии к своей работе. Среди ряда мистических способностей человека, автор упоминает и способность к графологическому анализу почерка, давая ему традиционное для того времени определение (искусство отгадывать по почерку характер и даже физический облик⁹¹). В разделе, посвященном графологии, Дьяченко приводит ряд «фактов» из периодических изданий, которые должны служить подтверждением наличия способностей у человека к графологическим опытам и практической необходимости графологии как науки. Оба примера взяты из журнала «Ребус», издававшегося в Санкт-Петербурге с 1881 года и ставшего, впоследствии, одним из самых крупных оккультных изданий. В первом случае речь идет о поимке преступника с использованием клочка бумаги, исписанного его почерком (то есть о прикладном значении графологии). Во втором - о том, как по почерку можно описать внешний вид и характер человека. Известно, что данные почерка действительно будут иметь значение для криминалистической экспертизы. Популяризатор графологии в России И.Ф. Моргенштерн также стремился подвести под графологию научную базу и превратить ее в прикладную дисциплину по аналогии с тем, как это

88 Дьяченко Г. Из области таинственного: Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности. С приложением рассказов и размышлений, приводящих к признания духовного мира вообще. М., 1900. С. 3.

89 Там же.

90 Там же.

91 Там же. С. 201-202.

происходило на западе. «Прикладной» взгляд на графологический анализ — одно из направлений внутри непосредственно интереса к данной науке и явлению. Второе — нашедшее отражение во втором примере Г. Дьяченко — использование графологических данных для определения характера, внешности, интересов человека, а также его будущего. Если первое направление ближе к судебному почерковедению (по крайней мере, по своим задачам), то второе носит оккультно-эзотерический характер и является следствием интереса к паранаучному знанию. Однако, Г. Дьяченко отмечает — графологи как в первом, так и во втором случае, опираются не только на знание особых графологических признаков почерка. *«...На самом деле источником знания графологов служит индивидуальный отпечаток от автора рукописи, которым пропитана бывает исписанная бумага»*⁹² - заключает автор. Появляется идея нематериального «следа», оставляемого человеком на бумаге в форме рукописи. Далее, в подтверждение своих мыслей, автор приводит еще одну историю, в которой героиня-графолог как-бы подтверждает слова автора. Речь идет о том, что она только отчасти пользуется графологическими признаками и методикой их толкования, но зачастую она не в состоянии объяснить свои выводы.

Характерно, что протоирей Г. Дьяченко не единственный церковный служитель, который не только не отрицал, но и признавал «сверхъестественные» способности души, так или иначе обозначал в своей работе существование нематериального отпечатка, оставляемого человеком. В этом отношении также интересна работа святителя Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого) *«Дух, душа и тело»*, опубликованная позже исследуемого нами периода — в 1947 года, но явившаяся результатом его многолетних научных и богословских занятий, размышлений, пришедшихся на первую половину XX века. В.Ф. Войно-Ясенецкий - доктор медицинских наук, врач и ученый, с 1920 года заведующий кафедрой оперативной хирургии в Государственном Туркестанском университете (г. Ташкент). Результатом его научной деятельности стала работа *«Очерки гнойной*

92 Там же. С. 222.

хирургии» (1934), за которую автор в 1946 году получает Сталинскую премию первой степени *«за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений»*. Другой стороной деятельности ученого была церковная служба - в 1921 году он был рукоположен в диаконы, а затем, немного позднее, в иереи. В те же 1920-е гг святитель Лука начинает работу над трудом *«Душ, душа и тело»*, в которой выведенные в название категории освещены им как с позиции практикующего врача и ученого, так и с религиозно-духовной точки зрения.

Уже в первой главе, посвященной состоянию естественных наук, автор обозначает понятие *«полуматериального»*⁹³ (называя таковым, например, электричество) и исходя из этого делает вывод, что если возможно нечто полуматериальное, то и нематериально также возможно. Сердце святитель называет органом чувств, *«и особенно высших чувств»*⁹⁴. Кроме того, он подчеркивает нетождественность понятий «ум» и «дух», подчеркивая, что понятие «дух» гораздо шире. В подтверждение своих рассуждений он приводит факты из священного писания и из других источников. Основная мысль, пронизывающая работу *«Дух, душа и тело»* — идея недопустимости отрицания непонятных и таинственных психических явлений, отвергаемых официальной психологией и наукой. Кроме обычных физических раздражений, по мнению автора, нашим органам чувств свойственно восприятие раздражений из *«трансцендентального»* мира. *«Что мешает нам сделать последний шаг и признать существование вполне нематериальной, духовной энергии и считать ее первичной формой, родоначальницей и источником всех форм физической жизни?»*⁹⁵ - заключает автор. Дух признается им как особая сущность - *«мы обладает не только пятью чувствами. Есть у нас способности восприятия высшего порядка, неизвестные физиологам»*⁹⁶. Таким образом, становится

93 Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. М., 2006. С. 8.

94 Там же. С. 13.

95 Там же.

96 Там же.

очевидно, что идея нематериалистического в человеке появляется в конце XIX - начале XX в. не только на уровне оккультизма, но и в церкви, и в научном сообществе, выдающимся членом которого являлся В.Ф. Войно-Ясенецкий. Оставляемые человеком записи, по мнению Г. Дьяченко, наделены особой энергией, при «считывании» которой возможно описать внешность и характер их исполнителя. Наличие нетрадиционных психических явлений и их возможность не ставит под сомнение и доктор медицинских наук и епископ Войно-Ясенецкий. Естественно, что для людей, связанных с оккультными науками способность почерка или личной подписи передавать некую информацию об их исполнителе вообще не ставилась под сомнение.

Распространение и популярность оккультизма в конце XIX - начале XX в. в Российской империи достигла своего апогея, о чем уже упоминалось ранее. Об этом свидетельствует большое количество журналов, выходящих на территории России, посвященных мистицизму и оккультному знанию в рассматриваемый нами период. Графология, являясь одной из разновидностей такого рода знаний, также набирает большую популярность, а с 1 сентября 1903 года издается и специализированный «Журнал психо-графологии» под редакцией И.Ф. Моргенштерна. Заметки, очерки и полноценные статьи о свойствах почерка и личной подписи появляются и в общих оккультных изданиях. Такие журналы, как «Изида», «Оттуда», «Ребус», издававшиеся на протяжении 5-10 лет, обращались к графологии, как к одной из самых популярных оккультных наук Серебряного века. Кроме узкоспециализированных журналов и газет (например, «Вестник теософии» - о жизни и деятельности теософского общества), существовало множество «вестников» оккультного толка, среди которых «Вестник магнетизма», «Вестник оккультизма и спиритуализма», «Вестник оккультных наук», «Вопросы психизма и спиритуалистической философии», «Вопросы хиромантии и гипноза», «Лекции оккультных знаний» и др.

Один из таких журналов - «Вестник оккультных наук», выходящий в Москве с 1907 года. С первого выпуска в журнале заявляют о том, что издание

ставит своей целью воскресить интерес к мистическому и загадочному. Во вступительной статье первого номера, посвященной краткому обзору существующих оккультных течений, сразу же упоминается о графологии как о науке, *«превратившейся в пустую забаву»*, когда ее *«бросили в руки толпы»*⁹⁷. Здесь же приводится краткая история науки о письме с упоминанием всех видных деятелей, внесших вклад в развитие графологического знания в том числе аббата Мишона, которого автор называет *«настоящим основателем графологии»*⁹⁸. Отмечается, что данное направление пользуется популярностью за границей, особенно в Германии, где существует «Психо-Графологический Институт». Автор статьи, Ю.К. Глинина, предполагает, что наука о почерке в ближайшем будущем будет столь же популярна и востребована в России. Постоянным в издании является раздел «библиография», где приводится рекомендуемая к прочтению литература, среди которой есть «Психо-Графология» И.Ф. Моргенштерна, а также подобные издания на французском языке. Первая «лекция» из одноименной рубрики журнала также посвящена графологии,⁹⁹ что также является свидетельством чрезвычайного интереса именно к этой области знания. Статья рассматривает влияние *«страстей и положений в жизни»*, *«безумия»* и *«обстоятельств»* на почерк. *«Действительно, следя за одним типом письма, можно, сравнивая, угадать расположение духа, в котором оно было написано: в нем можно прочесть сухость, гнев или спокойствие, доверчивость или сдержанность, а также любовь»*¹⁰⁰ - заключает автор. Чтобы продемонстрировать применение и возможности графологического знания на практике, в статье отслеживается изменение почерка Шиллера в течении его жизни и проводятся образцы его подписи. *«Графология, конечно, не в состоянии дать тех многочисленных и положительных результатов, которые получают, благодаря френологии,*

97 Глинина Ю.К. От редакции// Вестник оккультных наук. М., 1907. №1. С. 4.

98 Там же.

99 Вейнштейн Г.М. О графологии// Вестник оккультных наук. М., 1907. №1. С. 15.

100 Там же.

*физиогномике и хиромантии, вместе взятых, но у нее есть одна ценная, незаменимая особенность: отгадывать на расстоянии»*¹⁰¹ - заключает автор статьи. Далее в тексте приводятся отдельные характеристики письма и их интерпретации, как например «*наклонный почерк — чувствительность, импульсивность*» и т. д.¹⁰²

Та же Ю.К. Глинина, автор вступительной статьи, дает в журнале объявление о возможности частных консультаций по вопросам хиромантии и графологии, где «*строго научно определяет характер человека, его различные условия жизни*». Кроме того, судя по объявлениям, по вопросам психографологии принимал в Москве также В.О. Янчевский, являющийся редактором данного журнала. Далее мы заметим, что объявления о поиске клиентов от графологов (в том числе авторов в оккультных журналах) не были редкостью и, по видимому, пользовались спросом.

Следующий номер (№2, 1907) начинается со статьи «*Изучение графологии А. Дебарроля и Жан-Ипполита*»¹⁰³. Вновь графологии отдается приоритет, несмотря на то, что она не является основной тематикой журнала. В статье уделяется отдельное внимание вопросу парафа (росчерка) и его важности, сравнения в этом отношении французской и немецкой школ. Как и в предыдущем номере, статья снабжена множеством иллюстраций. Помимо узкоспециальных статей, даются комментарии графологического характера и в рамках статей о персоналиях (например, «*Теофиль Бартони — художник без рук*»¹⁰⁴), комментарии дает Янчевский.

Литературно-мистический и научно-философский журнал «Из мрака к свету» издавался только в течение 1914 года в Санкт-Петербурге. С изданием тесно связан уже упоминавшийся в предыдущей главе К.К. Владимиров, его даже называют одним из сотрудников журнала. В этот период Владимиров

101 Там же. С. 17.

102 Там же. С. 18.

103 Полозова Н. Изучение графологии А. Дебарроля и Жан-Ипполита // Вестник оккультных наук. М., 1907. №2. С. 1.

104 Янчевский В.О. Теофиль Бартони — художник без рук // Вестник оккультных наук. М., 1907. №2. С. 27.

готовил к публикации «*научный трактат по графологии, составленный... на основании древнейших источников и восемнадцатилетнего опыта и наблюдений*»¹⁰⁵, реклама которого появляется на страницах «Из мрака к свету». По утверждению редакции, автор рассматривает графологию с оккультной точки зрения, открывает новые горизонты в этой области и даже вводит новую терминологию, например *графомантия* — магия слов, знаков; *графософия* — философия происхождения знаков и их толкование, *графономия* — изучение внешних черт почерка, письмен и др. Психическую сторону графологии Владимиров называет «*графурия*». Таким образом, мы видим, что отечественные графологи не только перенимали западный опыт, но и добавляли в науку о почерке нечто новое, классифицировали разные ее направления и течения. «*Графология*» К.К. Владимирова характеризуется редакцией журнала как результат его многолетнего опыта. Труд должен был выходить в течение 1914 года выпусками по 16 страниц. В Выпуске №3 журнала действительно опубликована первая статья Владимирова из предполагаемого цикла¹⁰⁶. В ней К.К. Владимиров отмечает, что графология соединяет в себе три начала — божественное, психологическое и физическое. Автор разделяет графологию на множество подразделов: эпиграфию, графургию, графософию, теографию, графогномию, палеографию (в его определении - «наука о дешифровании документов»). В пятом номере (сентябрь, 1914) журнала — продолжение статьи, где автор дает исторический обзор происхождения письмен. К сожалению, Владимиров так и не смог довести до конца свой труд — журнал закрылся в том же 1914 году, вероятно, в связи с начавшейся войной, и более не издавался.

В журнале «Изида», издававшемся также в Санкт-Петербурге с 1909 по 1916 год мы вновь находим упоминания графологии. В №11 за 1910 год публикуется «Устав графологического общества из 41 пункта»¹⁰⁷. Цели общества определяются как «научное исследование почерков» и «пробуждение

105 Из мрака к свету. СПб., 1914. №1. С. 1об.

106 Владимиров К.К. Графология // Из мрака к свету. СПб., 1914. №3. С. 128-131.

107 Устав графологического общества // Изида. СПб., 1910. №11, С. 11-14.

интереса к графологии в широких слоях публики». Учредителями указаны член государственной думы граф Э.П. Беннигсен, столичный мировой судья К.А. фон Раабен, техник путей сообщения В.М. Стеге и вольнопрактикующий врач И.А. Финберг. Характерно разнообразие в профессиональной деятельности учредителей, что вновь указывает на тот факт, что графология имела популярность в самых широких социальных слоях. Указываются условия вступления в общество - нужно подать письменное заявление и приложить 10 рублей вступительного взноса.

В №4 за 1911 год опубликована статья Н. Башмаковой «*Лепта цивилизации*»¹⁰⁸ (причем опубликована в качестве вступительной), посвященная графологии, как о самой молодой из оккультных наук. В ней даются краткие указания, как делать графологический анализ почерка. Отличительной чертой графологии от других оккультных наук автор называет ее «европейское происхождение» - «*графология - продукт европейской цивилизации*»¹⁰⁹. Как и многие авторы подобных изданий, Н. Башмакова выказывает надежду, что отрицаемая многими учеными, графология войдет в разряд точных наук.

О графологии писал и Д.И. Карабанович в постоянной рубрике журнала «*Словарь практической дивинации*»¹¹⁰. Из всех обычных занятий письмо, по мнению автора, наиболее тесно связано с личностью - это не просто механическая операция, оно также выражает процессы, протекающие в мозгу. На почерк влияние физическое и нравственное состояние - «*В почерке есть душа, заметная для каждого, кто умеет исследовать*»¹¹¹. Рука наделяется автором не только привычными физическими свойствами, но и способностью передавать все импульсы, получаемые от мозга, что вновь обращает нас к идее нематериального «следа» в письме, популярной в рассматриваемый нами период.

108 Башмакова Н. Лепта цивилизации // Изида. СПб., 1911. №4. С. 1-5.

109 Там же. С. 2.

110 Карабанович Д.И. Словарь практической дивинации // Изида. СПб., 1913. №5. С. 17-22.

111 Там же. С. 17.

В следующем номере (№6) тем же автором приводится «Краткий словарь графологии»¹¹² где на каждую букву алфавита даны черты характера человека. К характеристике дается пояснение, как будет выглядеть почерк человека, наделенного теми или иными качествами.

Ранее упомянутый узкоспециализированный «Журнал психо-графологии» издается также в Санкт-Петербурге на протяжении 9 лет (1903-1912). Его редактором и главным идеологом является И.Ф. Моргенштерн. В первом выпуске в его статье «от редакции» отмечается, что в современном изданию обществе возрастает интерес «к ознакомлению с чрезвычайно любопытным и полезным знанием человеческой души»¹¹³. В качестве «родственных» с графологией наук упоминаются психология, судебная медицина, философия, психиатрия, почерковедение, экспертиза и логика. Таким образом можно сделать вывод о том, что данное издание имеет скорее научную (в меру развития научного представления о почерке на том этапе) направленность, нежели оккультную (что следует и из подзаголовка журнала - «популярно-научный иллюстрированный журнал для всех»). Как и в большинстве статей, посвященных графологии в начале XX века в России отмечается, что за границей психографология давно уже получила широкое распространение и применяется в судебной практике, тогда как «в России же она считается «чем-то вроде гадания»¹¹⁴. Журнал публикует многочисленные автографы (образцы почерка) разных личностей и анализирует их. Кроме того, «Журнал психо-графологии» предлагает бесплатную характеристику почерка для подписчиков (получить такую характеристику могут все подписчики, внесшие годовую плату). Неоднократно подчеркивается связь графологии с психологией и медициной, предлагаются научные обоснования актуальности данного направления. Авторы статей подчеркивают, что в почерке «несомненно отражается индивидуальность, образ мыслей, душевное состояние человека,

112 Карабанович Д.И. Краткий словарь графологии // Изид. СПб., 1913. №6. С. 16-19.

113 Моргенштерн И.Ф. От редакции // Журнал психо-графологии. СПб., 1903. №1. С. 1-3.

114 Там же. С. 3.

*его характер»*¹¹⁵. Особым значением наделяется личная подпись- *«она обличает цельность строения характера, направление ума и темперамента, а также деятельность писавшего»*.¹¹⁶

С четвертого выпуска в журнале запускается рубрика «Из области таинственного», перекликающаяся по названию с одноименным трудом Г. Дьяченко. Аргументируется этот шаг повышенным интересом современного изданию общества к сфере загадочного и мистического, несмотря на господство позитивизма в сфере науки. Отмечаются направления — педагогическая графология, патологическая — наблюдения за душевнобольными. В журнале публикуются фотопортреты с автографом-подписью, когда речь идет о какой-либо конкретной персоне. Интересно, что в выпуске №1 за 1906 год опубликован «психологический этюд» «Что такое время?» подписанный Стано — вероятно, это очерк К.К. Владимирова, который подписывал так свои литературные произведения и вполне мог написать для подобного журнала.

Отдельно хочется вернуться к вопросу о рекламных объявлениях практикующих графологов в оккультных журналах. Из страниц, выделенных под рекламу, мы можем узнать множество имен графологов-практиков того времени и сделать вывод о чрезвычайной востребованности подобного рода услуг. Помимо уже упомянутых объявлений Ю.К. Глининой и В.О. Янчевского (автора и редактора «Журнала оккультных наук»), мы встречаем заметки, например, о «драгоценной книге даром» Х.М. Шиллера-Школьника из Варшавы, автором которой он является. Книга представляет собой «*краткий самоучитель гипнотизма, хиромантии, физиогномики, графологии и астрологии*».¹¹⁷ Определить характер по почерку «лично и заочно» готов психо-графолог-окультист Paul Chmielewski¹¹⁸, свой психо-графологический кабинет в г. Саратов рекламирует В.А. Тор, предлагая «*прием и тщательное*

115 Журнал психо-графологии. СПб., 1903. №3. С. 29.

116 Там же. С. 33.

117 Вестник оккультных наук. М., 1907. №7. С. 1об.

118 Вестник оккультных наук. М., 1907. №9-10. С. 1об.

*срочное исполнение всевозможных психо-графологических и физиогномических анализов».*¹¹⁹

Интересно, что не только журналы и газеты оккультного толка публиковали заметки и целые исследования, посвященные вопросам графологии. Как было уже отмечено в предыдущей главе, К.К. Владимиров, один из ведущих графологов Петербурга того времени, публиковался также в таком далеко не мистическом журнале, как «Дамский мир». Данная публикация, как и публикация в журнале «Из мрака к свету» работала не хуже, чем реклама своих кабинетов и возможностей, примеры которой приведены выше. Во второй главе данной работы уже было отмечено, что К.К. Владимиров собрал не только внушительную коллекцию автографов-подписей, но и собрание писем читателей, представителей абсолютно разных социальных слоев, с просьбами определить характер, внешность или будущее по почерку. Кроме того, в таком далеком от оккультизма издании, как иллюстрированное приложение к газете «Новое время» также в начале XX века была опубликована целая подробная статья, посвященная графологии. Ее автором стал один из популяризаторов графологического знания в России А. Рошталъ.¹²⁰

3.2. Стилизация индивидуального письма: «игра» с письмом.

Мы уже рассмотрели связь интереса к письму и нового научного направления, наиболее часто относимого к разряду оккультизма — графологии. Кроме того, в предыдущем параграфе была отмечена новая новая эстетика в печатных изданиях и повышенное внимание к стилизации шрифта на примере журнала «Мир искусства» и деятельности художников-графиков, выходцев из одноименного объединения. Однако следует назвать еще один важный фактор возникновения феномена интереса к письму и как следствие коллекций

119 Ментализм: Ежемес. ил. оккультный журнал. М., 1908. №4. С. 1об.

120 Рошталъ А. Почерк и характер // Новое время: Иллюстрированное приложение. СПб., 1910. 16(29) янв. С. 19-22.

автографов в конце XIX - начале XX в. Мы связываем его с открытием эстетики рукописного письма, с новым пониманием почерка как выражения личности. Наиболее ярким примером является А.М. Ремизов, его графические альбомы и стилизованное на древнерусский манер письмо в личной переписке.

А.М. Ремизов известен литературными стилизациями, обращением к фольклорным мотивам в своем творчестве. Он же одним из первых обращается к русской каллиграфии *«в поисках живой связи с культурными традициями прошлого»*¹²¹ а также к искусству восточных каллиграфов. Его писательская деятельность тесно связана с письмом и изображением, которые предстают в синтезе в его рукописных альбомах. Связь творчества А.М. Ремизова с каллиграфией и графикой, его интерес к письму отмечает Антонелла д'Амелия в статье *«Письмо и рисунок». «Его орфография – это не только фонетическая транскрипция речи, но и графическое её представление: она придаёт письму волнистые очертания, каллиграфические росчерки, очаровательные переплетения знака и звука».*¹²² Автор отмечает, что будучи увлеченным линиями и росчерками письма, Ремизов еще с гимназических пор увлекался искусством каллиграфии. Возникновение этого интереса приходится на начало XX века, когда писатель знакомится с древнерусской культурой и палеографией. Интерес к прошлым эпохам в целом был характерным явлением Серебряного века (достаточно вспомнить живопись уже неоднократно упомянутых художников объединения «Мир искусства») и находил отражение в творчестве его выдающихся представителей. Кроме того, А.М. Ремизов неоднократно проводил параллели между своим творческим и творчеством средневекового книжника, а о важности графики и рисунка в средневековом тексте широко известно. В своем творчестве Ремизов, очевидно, вдохновляется русским «средневековьем» - древнерусским периодом и связанной с ним рукописной литературой. Каллиграфия помогает писателю наиболее точно передать свою

121 Соколов-Ремизов С.Н. Литература. Каллиграфия. Живопись. М., 1985. С. 13.

122 Д'Амелия А. Письмо и рисунок: Альбомы А.М. Ремизова // Slavica Tergestina. Trieste., 2000. С. 60.

мысль, дополняет его литературный язык, создает целостный образ. Писатель прекрасно овладел древнерусским и глаголическим письмом, что позволило ему использовать его элементы в своих стилистических приемах — в том числе, в знаменитых рукописных альбомах. А.М. Ремизов, помимо собственно увлечения каллиграфией и графикой, оставил статью, посвященную графике (рисункам) писателей и их значению.

Графический талант А.М. Ремизова отмечал и В. Енишерлов. Автор справедливо отмечает гармоничное сочетание каллиграфии и графики в рукописных книгах писателя. Он же приводит цитату из воспоминаний современника Ремизова, Ю. Анненкова: *«Графика Ремизова часто переходила в почерк, а почерк его, бравший корни из древнеславянского буквенного сплета, превращался в каллиграфическую симфонию углов, закорючек и росчерков, которыми порой можно было любоваться, даже и не вникая в то, что там было написано...»*¹²³. Кроме того, автор отмечает, что в «эмигрантский» период творчества писателя, его каллиграфические работы участвовали в выставках в Берлине, Париже, Праге на протяжении 1930-х гг.¹²⁴

С.О. Вялова отмечает, что к древнерусской стилизации в своем письме Ремизов прибегает не только в литературном творчестве, но и в личной переписке.¹²⁵ В качестве примера автор приводит письма И.А. Рязановскому, в которых писатель намеренно стилизует свой почерк под древнерусскую скоропись. Образцы письма Ремизова, являющиеся частью коллекции П.Н. Медведева лишь подтверждают этот факт — письмо к Н.К. Рериху, дарственная надпись А.И. Тинякову и даже расписка¹²⁶ также выполнены стилизованным письмом с множеством изысканных росчерков и каллиграфической четкостью букв.

123 Цит. по: Енишерлов В. Он рисовал замечательно и диковинно // Наше наследие. М., 2017. №120. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12009.php>.

124 Там же.

125 Вялова С.О. Ремизов и древнерусские письма // Российская национальная библиотека. Виртуальная выставка. [СПб]. URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/remizov/

126 ОР РНБ. Ф. 474. Ед. 2. Л. 16.

А. д'Амелия обращает внимание, что такое же внимание к рукописям с рисунками проявляли и русские футуристы *«считая частью неотделимой произведения его помарки и виньетки творческого ожидания»* и *«в почерке полагая составляющую поэтического импульса»*¹²⁷ В связи с новым интересом к письму и его стилизации ярким явлением начала XX века стали рукописные книги футуристов. В. Хлебников и А. Крученых в манифесте «Буква как таковая» писали, что почерк, измененный настроением передаст это настроение читателю независимо от слов.¹²⁸ При этом совсем не обязательно, чтобы оформлением рукописной книги занимался собственно писатель — в этом ему мог помочь художник-футурист. Рукописные книги выходили небольшим тиражом и их особенностью было то, что рукописный текст и рисунок в них были неразрывно связаны. Только в этом сочетании графики и письма возможно наиболее полно понять содержание книги. Исследованием этого явления занимались Е.Ф. Ковтун, А.Е. Зимова, Н.И. Харджиев. Футуристическая книга была результатом общей работы художников и писателей русского авангарда. Е.Ф. Ковтун отмечает, что *«разрабатывая тип рукописной книги, футуристы в известной мере опирались на наследие прошлого, рукописные книги средних веков»*¹²⁹, что роднит их деятельность с творчеством А.М. Ремизова. В «Поэтических началах» Бурлюк для объяснения значения почерка и письма обращается к работе философа Н.Ф. Федорова. Так, Н.Ф. Федоров, отмечал *«образную выразительность почерка, способного зримо, в рисунке букв и строк, передать переживание и духовное состояние писавшего»*¹³⁰.

Первыми создателями самописных и литографированных книг были Н.С. Гончарова, М.Ф. Ларионов, А. Крученых. С точки зрения стилизации письма особенно интересна книга «Деревянные идолы», выполненная П.Н. Филоновым на текст В. Хлебникова. Кроме стилизованных иллюстраций-литографий,

127 Цит. по: Д'Амелия А. Письмо и рисунок: Альбомы А.М. Ремизова // Slavica Tergestina. Trieste., 2000. С. 61.

128 Старкина С.В. Велимир Хлебников. М., 2007. С. 25.

129 Ковтун Е.Ф. Русская футуристическая книга. М., 1989. С. 79.

130 Цит. по: Там же.

художник использует стилизованный текст, выделяя отдельные слова и строки, придавая им необычное начертание. Например, в слове «шиповник» букве «к» придаются черты ветки этого растения (с соответствующими ей шипами), отдельные буквы подражают древнерусской книжной письменности (в частности, прописные). Известны также графические работы О. Розановой (например, на текст А. Крученых «Утиное гнездышко...дурных слов», 1913), однако в ее работах в большей степени акцентируется внимание на графических изображениях.

Идея соединения текста и зрительного эффекта, письма и иллюстрации создает основу для многочисленных стилистических исканий в области письма и шрифта. «Игра с письмом» в начале XX века становится одной из базовых поведенческих парадигм Серебряного века. Таким образом стилизованное письмо в подобных изданиях играет едва ли не главенствующую роль.

§ 3.3. Эстетизация письма на примере объединения «Мир искусства».

Ситуация с новым пониманием письма в эпоху Серебряного века хорошо видна не только на примере индивидуального письма, но и на шрифтовом дизайне, в основе которого лежит каллиграфия. Характерным явлением культуры Серебряного века стали журналы русских модернистов, в частности, «Мир искусства» - первое издание подобного рода, авторы и идеологи которого создали новую эстетику шрифта. Журнал издавался с 1898 года и стал ярчайшим явлением своего времени. Среди организаторов — А.Н. Бенуа, Д.В. Filosofov, Е.Е. Лансере, К.А. Сомов и один из главных идеологов, С.П. Дягилев — художники, философы и деятели культуры этого периода. Еще до издания журнала их объединял одноименный художественный кружок, характерными особенностями которого была стилизация под прошлые эпохи — художники черпали вдохновение в древнерусской культуре, в XVIII веке. Журнал манифестировал значимость искусства в том числе и в повседневной жизни, популяризировал декоративно-прикладные работы. Искусство, по мнению

издателей, должно было войти в повседневную жизнь человека. Этот постулат стал основной, на которой формировался журнал «Мир искусства». Характерно стремление С.П. Дягилева превратить сам журнал в «предмет искусства», следовательно, оформлению придавалась чуть ли не первостепенное значение. Такое настроение нашло отражение как в стилизованных шрифтах, используемых для издания, так и в общей декоративной работе редакторов над стилем журнала. Применительно к данной работе «Мир искусства» вызывает интерес не столько своим содержанием — безусловно, интересным как в то время, так и для современных исследователей, сколько своими оформительскими находками, также находящимися в русле обозначенных нами в начале главы тенденций. Стилизованные шрифты, использованные для обложек и оформления выпусков являются ни чем иным, как проявлением интереса к почерку и письму, воплощенным в нерукописной форме.

С.Я. Махонина, исследователь русской журналистики начала XX века, приводит цитату из воспоминаний А.Н. Бенуа: *«В одной из последних комнат можно было почти всегда найти Бакста; Сережа и Дима засадили туда покладистого Левушку за довольно неблагодарные графические работы и главным образом за ретушь фотографий <...>. Бакст рисовал и особенно нарядные подписи, заглавия, а то и виньетки. Левушка любил эту работу и исполнял ее с удивительным мастерством».*¹³¹ Издатели журнала использовали в оформлении подлинный «елизаветинский» шрифт. Рисованные шрифты были призваны придать особое настроение оформлению журнала. Интерес к графике и внимание к полиграфии у «миriskусников» отмечает также А.П. Гусарова¹³² Текст, набранный елизаветинский шрифтом дополняли рамки и изобразительные элементы. На наш взгляд, уместно сказать об определенной общей моде на прошлые эпохи, в рамках которой стилизованные шрифты становятся одним из проявлений *модного поведения* Серебряного века.

131 Цит. по: Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 291.

132 Гусарова А.П. Мир искусства. М., 1972. С. 12.

Именно «Мир искусства» дал начало новой эпохе в оформлении журналов, развитии полиграфии в России, а также новой графической «школе», выходцы из которой иллюстрировали затем другие издания и книги. Один из них — Д.И. Митрохин, принятый в объединение «Мир искусства» в 1916 году. Особенное влияние, которое художник уделял в своих работах шрифту, отмечает И. Липович.¹³³ Его шрифты также опирались на классические образцы, однако каждый раз были стилизованы согласно литературному тексту и сопутствующим иллюстрациям. С.В. Чехонин, еще один график рассматриваемого направления, также известен своими декоративными шрифтами, выполненными в стиле ампир, модерн, а впоследствии — в авангардистском духе. Таким образом, изменения в манере шрифтовых стилизаций Чехонина были напрямую связаны с изменениями в эпохе, в социокультурной среде России рубежа веков. Придание шрифту того или иного стиля путем изменения характера линий, добавления новых элементов, деталей орнамента, было призвано транслировать определенную идею, не только посредством смыслового содержания текста или изображения.

133 Липович И. Книжная графика «Мира искусства». Ганновер, 2016. С. 66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе предпринята попытка показать значение коллекций автографов как уникального явления Серебряного века. Выделенные собрания являются интереснейшим источником русской культуры обозначенного периода и в равной степени представляют интерес как для общих социокультурных исследований, так и для исторического почерковедения. Важнейшим выводом из изложенного в исследовании является факт переосмысления письма как такового на рубеже XIX – XX вв.. То значение, которое придавалось автографу, почерку и индивидуальному письму стало следствием смены интеллектуальных парадигм, нового взгляда на письмо сквозь призму идеи «нематериального следа». Кроме того, нами было предложено употребление термина «модное поведение» применительно к письму. Установлено, что и письмо в целом, и коллекции автографов, сформированные в данный период, можно отнести к проявлениям моды. Идея связи моды и письма также является одной из ключевых в данной работе.

На основании проанализированного в теоретической части материала установлено, что работ, посвященных непосредственно коллекциям автографов (как собраниям образцов письма) не существует, тогда как общеизвестные художественно-значимые коллекции, ставшие в последствие частью собраний крупнейших музеев рассмотрены достаточно подробно. Неоспоримой является и связь характера коллекционирования с социально-культурной жизнью эпохи, ее ценностями. Нами прослежено влияние на интерес к собиранию автографов-подписей такого популярного в конце XIX - начале XX в. явления, как графология, что нашло отражение в коллекции К.К. Владимирова.

Типология источников представлена нами на некоторых примерах, количество которых не исчерпывается приведенными в данной работе. Дальнейшее исследование предполагает обращение к материалам не только Российской национальной библиотеки, но и другим архивам (РГАЛИ, ИРЛИ, и т. д.). Следует отметить, что все рассмотренные собрания имеют разное

происхождение и созданы под влиянием различных факторов, однако единой является именно тенденция усиления интереса к пониманию человека на рубеже XIX-XX веков, к саморепрезентации. На стремление авторов собраний создать целостный образ той или иной персоналии в своей коллекции указывает разнообразие материалов в фондах – изобразительных (фотопортрет, портрет) и рукописных (автограф, подпись, дарственная надпись). Интерес вызывает также характер оформления материалов в альбомах. Коллекционер помещает рядом фотопортрет, автограф-подпись и образец письма каждой интересующей его личности, что создает цельный образ человека с ключевыми видами его саморепрезентации. Модное поведение в индивидуальном письме представлено каллиграфическими стилизациями А.М. Ремизова, используемыми им не только в рукописных книгах, но и в личных переписках. Следует также отметить, что интерес к коллекции автографов-подписей в будущем был очевиден уже в начале XX века, на что указывает факт целенаправленного собирательства П.Л. Вакселя.

Таким образом, рассмотренные в работе собрания являются значимым источником для изучения *письменного поведения*, эволюции русской подписи и культуры повседневности в целом, представляя собой уникальный феномен русского Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Архивные источники:

1. ОР РНБ. Ф. 124. Ваксель П.Л., Юргенсон Э.П. Собрание.
2. ОР РНБ. Ф. 150. Владимиров К.К.
3. ОР РНБ. Ф. 290. Заволокин П.Я.
4. ОР РНБ. Ф. 341. Картавов П.А.
5. ОР РНБ. Ф. 474. Медведев П.Н.
6. ОР РНБ. Ф. 703 (Случевский К.К.). Ед. 2.

Периодические издания:

1. Вестник оккультных наук: Научно-популярный, илл. журнал, посвящ. вопросам хиромантии, хирософии, хирогномии, психо-графологии, физиогномии, френологии, гипнотизма, спиритизма и ясновидения. - Г.1. - М.: В.О. Янчевский, 1907. №1-2.
2. Журнал психо-графологии: научно-популярный иллюстрированный журнал. - СПб., 1903-1912.
3. Из мрака к свету. Литературно-мистический и научно-философский журнал сокровенных знаний. - СПб.: Л. Малай, 1914. №1-4.
4. Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] - СПб.: И.К.Антошевский, 1909-1910 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006707183> (Дата обращения: 09.02.2017).
5. Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] . - СПб.: И.К.Антошевский, 1910-1911 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006708052> (Дата обращения: 09.02.2017).
6. Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] - СПб.: И.К.Антошевский, 1911 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006708071> (Дата обращения: 09.02.2017).
7. Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] . - СПб.: И.К.Антошевский, 1912 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006708994> (Дата обращения: 09.02.2017).

8. Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] - СПб.: И.К.Антошевский, 1913 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006709065> (Дата обращения: 09.02.2017). Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] - СПб.: И.К.Антошевский, 1914 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006713793> (Дата обращения: 09.02.2017).
9. Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] - СПб.: И.К.Антошевский, 1915 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006713804> (Дата обращения: 09.02.2017).
- 10.Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] . - СПб.: И.К.Антошевский, 1915. №1 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006714495> (Дата обращения: 09.02.2017).
- 11.Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] - СПб.: И.К.Антошевский, 1915. №2-3. // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006714543> (Дата обращения: 09.02.2017).
- 12.Изида: ежемесячный журнал оккультных наук [Электронный ресурс] . - СПб.: И.К.Антошевский, 1916 // ЭБ РГБ. URL: <http://dlib.rsl.ru/01006714807> (Дата обращения: 09.02.2017).
- 13.Ментализм: Ежемес. илл. оккультный журнал. - Г.1-3. - М.: Н. Бутовт, 1906-1908, 1911.

Литература:

1. *Алесковский С.Ю., Комиссарова Я.В.* Основы графологии: учебно-методическое пособие. - М.: Юрлитинформ, 2006. - 216 с.
2. *Андреев А.И.* Время Шамбалы: оккультизм, наука и политика в советской России. - СПб.: «Нева», 2004. - 414 с.
3. *Андронников И.* Корней Иванович и его «Чукоккала» // Чукоккала. - М., 1979. - С. 5-9.

4. *Архипова Г.Ф.* Девичий альбом: к вопросу о происхождении жанра // Культура и текст. - Барнаул, 2005. №10. - С. 184-190.
5. *Балашова Ю.Б.* Альманах как иллюстрированный тип издания // Ученые записки Казанского университета. - Казань, 2015. №4, Т.157. - С. 20-28.
6. *Барболин Н.П., Голядкин Г.Н.* Коллекционирование как способ сохранения, воспроизводства и устойчивого развития цивилизации: опыт осмысления и осознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - СПб., 2009. Вып.№1. - С. 135-142.
7. *Безуглова И. Ф.* Некоторые материалы зарубежных музыкантов в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России. - М., 2000. - С. 211-217.
8. *Берков П.Н.* История советского библиофильства. - М.: Книга, 1983. - 282 с.
9. *Богдан В.* Дар Платона Вакселя музею Академии художеств // Диалог искусств. Журнал Московского музея современного искусства. - М., 2009. С. 6-10.
10. *Богданов А.А.* П.А. Картавов и его коллекции по истории отечественного монетного дела в Российской национальной библиотеке // Библиофильство и личные собрания. - М., 2011. - С. 75–82.
11. *Богданов А.А.* Петр Алексеевич Картавов и его коллекция // Фотография. Изображение. Документ. - СПб., 2011. Вып.2. - С. 23-37.
12. *Бурданова В.С., Сысоева Л.А., Цыпкин Д.О.* К вопросу об истории русской подписи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - СПб., 1999. № 1. - С. 118-121.
13. *Васильев Н.Л.* Лингвистическое содержание книги П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного

- творчества «бахтинского круга» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. - М., 2009. №2 (42). - С. 28-50.
14. *Вахитова Л.Б.* Альбом как явление книжной культуры // Вестник Московского государственного университета печати. - М., 2013. №1. - С. 31-34.
15. *Ведерникова М.А.* Временные рамки Серебряного века: проблемы периодизации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - М., 2010. №6. - С.45-52.
16. *Вялова С.О.* Ремизов и древнерусские письма [Электронный ресурс] // Российская национальная библиотека. Виртуальная выставка. - СПб., 2015. URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/remizov/ (дата обращения: 14.03.2017).
17. *Гофман А.Б.* Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. - М.: Наука, 1994. - 208 с.
18. *Гусарова А.П.* Мир искусства. - М.: Художник РСФСР, 1972. - 100 с.
19. *Д'Амелия А.* Письмо и рисунок: Альбомы А.М. Ремизова // Slavica Tergestina. - Trieste, 2000. - С. 53-76.
20. *Дьяченко Г.* Из области таинственного: Простая речь о бытии и свойствах души человеческой, как богоподобной духовной сущности. С приложением рассказов и размышлений, приводящих к признания духовного мира вообще. - М., 1900. - 784 с.
21. *Енишерлов В.* Он рисовал замечательно и диковинно [Электронный ресурс] // Наше наследие. - М., 2017. №120. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12009.php>. (Дата обращения: 12.04.2017).
22. *Жижина М. В.* Судебно-почерковедческая экспертиза документов. - М.: Юрлитинформ, 2006. - 176 с.

23. *Зуев-Инсаров Д. М.* Почерк и личность. - Киев: Перлит продакшн, 1992. - 96 с.
24. *Игнатьева О.В.* Частное коллекционирование в процессе европеизации России вXVIII — начале XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. - Пермь, 2014. Вып. №2(25). - С. 22-27.
25. *Катагощина М.В.* Социально-культурный феномен частного коллекционирования в истории России XVIII-начала XX веков (к постановке проблемы) // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2014. Вып.№6-2. - С. 100-103.
26. *Клюканова Л.Г.* Междисциплинарный статус современного частного коллекционирования как феномена культуры [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. - СПб., 2014. Вып. №6 (49). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnyy-status-sovremennogo-chastnogo-kollektsionirovaniya-kak-fenomena-kultury> (дата обращения: 03.03.2016).
27. *Ковтун Е.Ф.* Русская футуристическая книга. - М.: Книга, 1989. - 248 с.
28. *Конусова Е.Д.* Коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова: формирование и историко-литературное значение: Дисс. ... канд. фил. наук. - СПб., 2016. - 242 с.
29. *Кошлякова М.О.* Имидж в системе массовой коммуникации // Знание. Понимание. Умение. - М., 2011. №1. - С. 218-224.
30. *Кукушкина М.В.* Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII– начала XIX в. (обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. - М., Л., 1958. Вып. 2. - С. 285–371.
31. *Кун Т.* Структура научных революций. - М.: АСТ, 2009. - 220 с.

32. *Леонов М.М.* Альбомные коллекции как исторический источник (по материалам ГЦТМ им. А.А.Бахрушина) // Вестник Самарского государственного университета. - Самара, 2009. - С. 63-68.
33. *Липович И.* Книжная графика «Мира искусства». - Ганновер, Семь искусств, 2016. - 109 с.
34. *Малинкин А.Н.* Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. - М.: ГУ-ВШЭ, 2011. - 192 с.
35. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. - М.: Наука, 2004. - 368 с.
36. *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Круг М.М. Бахтина как «мыслительный коллектив» // Звезда. - М., 2006. №7. - С. 197-198.
37. *Медведев Ю. П.* На пути к созданию социологической поэтики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. - М., 1998. №2. - С. 5-57.
38. *Медведев Ю. П., Медведева Д. А.* Творческое наследие П.Н. Медведева в свете диалога с М.М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. - М., 2001. №2. - С. 73-94.
39. *Михеева М.В.* Архив С.В. Рахманинова в Петербурге как источник изучения творчества и биографии композитора: Автореф. дисс. ... канд. иск. - СПб., 2011. - 22 с.
40. *Моргенштерн И. Ф.* Психо-графология, или Наука об определении внутреннего мира человека по его почерку. - СПб., 1903. - 693 с.
41. *Найдич Э.Э.* Автографы русских писателей в собрании П.Л. Вакселя // Сборник Гос. Публ. Б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. - Л., 1955. Т. 3. - С. 89-102.
42. *Огаркова Н.А.* Коллекция музыкальных автографов Браша-Вакселя-Юргенсона как социокультурный феномен // Источниковедение истории культуры. - СПб., 2009. Вып. 2. - С. 95-100.

43. Орлова В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика. - М.: Наука, 2006. - 544 с.
44. Петина Л.И. Структурные особенности альбома Пушкинской эпохи [Электронный ресурс] // Проблемы типологии русской литературы. - Тарту, 1985. Вып.645. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/529033.html> (Дата обращения: 12.03.2016).
45. Рейсер С. А. Русская палеография нового времени: неография. - М.: Высшая школа, 1982. - 136 с.
46. Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. - М.: Дарь, 2006. - 320 с.
47. Сиренов А.В. Собрание рукописей в России до 1917 г. Учебно-методическое пособие к курсу «Русская археография». - СПб., 2008. - 31 с.
48. Словарь основных терминов почерковедческой и автороведческой экспертиз: Справочное пособие / И.И. Рубцова, Л.А. Сысоева, А.П. Коршиков и др - М.: ЭКЦ МВД, 2008. - 64 с.
49. Соколов Б. «Все олимпы липовы, окромя Чукокколы!» Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского (новейшее издание) // Новый мир искусства. - М., 2007. №5. - С. 65-66.
50. Соколов-Ремизов С.Н. Литература. Каллиграфия. Живопись. - М.: Наука, 1985. - 312 с.
51. Соловьева О.С. Новые данные об автографах Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. - М.–Л., 1963. - С. 9–18.
52. Старкина С.В. Велимир Хлебников. - М.: Молодая гвардия, 2007. - 384 с.
53. Судебно-почерковедческая экспертиза. - М., 1971. - 335 с.
54. Сысоева Л.А. Современное состояние почерковедческого исследования подписи // Фотография. Изображение. Документ. - СПб., 2013. №4. - С. 10-14.

55. *Толстиков В.С.* К вопросу о русской культуре серебряного века // Вестник Челябинского государственного университета. - Челябинск, 2012. №18(272). - С. 62-68.
56. *Устюгова Е.Н.* Стиль и культура. Опыт построения общей теории стиля. - СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. - 248 с.
57. *Федотова С.В.* Три концепции человека в литературе Серебряного века // Вестник Томского государственного педагогического университета. - Томск, 2005. №6. - С. 32-38.
58. *Цыпкин Д.О.* Об изучении исторического письма на кафедре западноевропейской и русской культуры института истории СпбГУ // История и культура. - СПб., 2016. №14. - С. 226-239.
59. *Цыпкин Д. О.* Понятие почерка в изучении русского исторического письма. К проблеме разработки методологии почерковедческого анализа древнерусских рукописей // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. - С. 836-882.
60. *Шилов Ф.Г.* Записки старого книжника. Мартынов П.Н. Полвека в мире книг / Сост., вступит. статья и примеч. А.П. Толстяков. - М.: Книга, 1990. 560 с.
61. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс] // Библиотека «Вехи». - СПб., 1890-1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (Дата обращения: 22.09.2016).
62. *Яо М.К., Еманова Ю.Г., Бородина С.Д.* Коллекционирование: вопросы аккумуляции, актуализации и идентификации // Филология и культура. - Казань, 2012. Вып.№3. - С. 202-206.